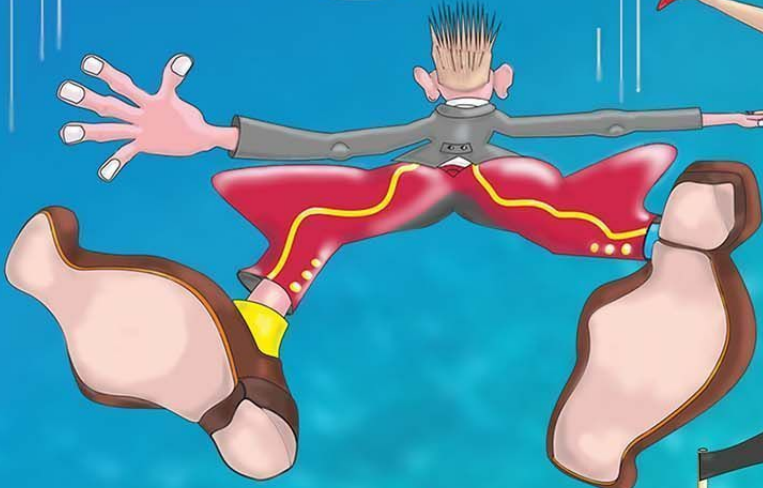

Е

О'шадри

Бодушени
Forever

М

Олег Шадрин
Бодуненц forever

«Aegitas»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2=411.2)6-44

Шадрин О.

Бодуненц forever / О. Шадрин — «Aegitas», 2019

ISBN 978-0-3694-0315-5

Прошло 11 лет с момента выпуска первой книги дилогии о Савелии Бодуненце. Уф!!! Наконец-то закончилась подписка о неразглашении тайны относительно блестящей операции спецслужб в знойной Африке. И мне особенно приятно поведать читателям, чем же закончилась эпопея с нашим героем. Продолжение романа «Деды в индиго».

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2=411.2)6-44

ISBN 978-0-3694-0315-5

© Шадрин О., 2019
© Aegitas, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	25
Глава 6. Очень краткое содержание первой книги саги «Деды в индиго»	33
Глава 7	34
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	54
Глава 12	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

О'Шадри Бодуненц forever

*Выражаю благодарность за выпуск книги «Деды в индиго»:
издательскому сервису Aegitas, лично Эрнсту Хачатуряну.*

© О. А. Шадрин, 2019

© РИЦ «ИнфорЭМ», 2019

©Издательство «Aegitas», 2020

Глава 1

10.25

* * *

...ю! – На этом щемящем крике чаек Бодуненц пришел в себя. И тут же увидел стремительно приближающееся к аксиальному центру организма острое пиратской мачты.

«Раз – и насквозь!» – ужас охватил всё тело Савелия до корней волос.

Визуализировался гриль-бар в соседнем доме, где над раскаленными углями на вертелах томились тушки жирных цыплят. Бодуненц представил, как его, зажаренного до золотистой корочки в аргановом масле с гарниром из сладкого батата и бамии, подают к столу, и... и жить захотелось с новой силой!

– Савелий! – раздался женский голос.

– Нина? Нет, она бы окликнула «Савон»; Люси? – «Савелий Самойлович»; Олеся? – однозначно «Савульчик»; Анфиса? – «Савва Самоилович»; Вероника? – а кто это?.. Оксана!! – пронеслось вспышкой молнии в сознании Бодуненца, и жить захотелось втроене.

Геометр, сделав нечеловеческие усилия, пропустил флагшток через раздвинутые на угол заправского акробата бедра.

Ноги в коленных сгибах брякнулись на перекладину мачты, где Савелий скрутил тройной топорик, после чего круто ушел вниз и буквально через секунду вонзился головой в дощатую палубу.

Следом громыхнула перекадина: прямо на головы зазевавшихся пиратов. Палуба не выдержала «мозгового штурма» Бодуненца: была пробита насквозь вместе с днищем.

Поврежденное судно стало быстро погружаться в воду.

Оксана, летевшая чуть правее, плашмя рухнула на резиновую лодку с подвесным мотором, сопровождавшую баркас, потопив ее вместе с командой из двенадцати человек. Однако баллоны лодки перед тем, как лопнуть, подобно батуту, отбросили девушку на флагманское судно, где она пригвоздила главаря туловищем к спардеку.

Такого позора тот еще никогда ранее не испытывал, потому сопротивлялся как мог. Тщетно.

Силы оказались неравными, он вскоре затих.

И только подъемная сила воды, заполнившей палубу тонущего корабля, смогла отлепить Оксану от матерого бандита...

Итоговый результат падения наших спецов: две уничтоженные моторные единицы (*впоследствии западные информационные агентства подадут это как убедительную победу натовского авианосца над превосходящими силами террористов, прим. автора*).

К месту катастрофы флагмана пиратской флотилии на всех парах примчался катер сообщников, разувавших неподалеку японский танкер.

Несколько человек попытались вытащить барахтающегося в волнах главаря. Не тут-то было! В ноги предводителя морских корсаров вцепился гигантский осьминог.

– Поднимайте быстрее, тону! – истошно завопил, вернее, пробулькал капитан.

Пираты газанули, что было сил. Туловище главного корсара скользнуло вдоль острого стального борта катера.

– Черт! Черт!! – зарыдал главарь нечеловеческим голосом. – Вы же отелескопили мне все выдающиеся части организма!! – И тотчас глиссандировал двумя октавами выше...

Внезапно двигатель на катере заглох. Кажется, это тоже дело щупальцев осьминога. Пришлось остаткам команды толкать суденышко сзади, а другим, привязанным, как бурлакам за бечевы спереди, тянуть его за собой. Некоторыми пловцами при этом полакомились акулы...

Бодуненц вынырнул метрах в двадцати от баркаса. И сразу вспомнил всё...

Вечером, когда он прощался с дворовой тусовкой, к нему снова подрулил майор Чугаркин на служебной «Волге» и достаточно грубо впихнул Савелия в салон:

– Ты где пропал, чудило! Условились же: встречаемся через пять минут, а вы уж тут полтора часа гудерианите!

– Не успел подготовиться, герр майор, морально: всё ж таки дело ответственное!

– Тебя, капитан, заждались! Поляна по случаю присвоения внеочередного звания накрыта, генерал шибко сердчает, – сменил гнев на милость Чугаркин. И ровно через пять минут доставил Бодуненца до края «поляны».

Генерал («Старик»), выступавший в роли тамады, многозначительно постучал курительной трубкой по початой бутылке:

– Инструктаж в жизни разведчика – не главное, главное – единство!

– Я не пью, – четко обозначил позицию Бодуненц.

Высший чин недовольно покосился на Савелия:

– А кто тут пьет? Покажите мне! Сие, милый мой, проверочный тест на вражескую агентуру!

Вновь испеченному офицеру ничего не оставалось, как согласиться.

– Для начала по старой доброй традиции нужно обмыть звезды «капитуана Бодуненца», – тряхнул головой тамада.

Требовалось выудить их губами из ковша (в качестве последнего была использована удачно подвернувшаяся цветочная кадка, из которой вышвырнули монстеру). Но как выполнить приказ, не вылакав содержимое? Савелий пожалел, что рядом не оказалось Люлипупенко или брата Зени: уж те-то бы всяко могли осилить задание, вот кто прирожденные разведчики! Хотя в такой посудине осуществить задуманное было значительно проще: банально нырнуть в нее с головой! Ну и при этом не застрять! Бр-р-р! Спирт, смешанный с остатками гумуса придавал напитку неповторимый земляничный, извините, землянистый привкус.

– Тебе, быть может, еще и не такую гадость придется глотать в пиратском логове, если выживешь, – напутствовал генерал. – Поверь моему слову. А если вдруг выживешь... на, держи грибы – лично теще приготовил.

И он достал из сейфа майонезную баночку с отравой:

– Примешь в случае пленения, чтобы избежать позора. Действует стопроцентно!

– А как же ваша теща? – огорчился Савелий.

– В другой раз. И другим способом.

Бодуненц с благодарностью сунул спасительный подарок в карман брюк.

К слову, Савелий вырубился почти сразу, после первого глотка, так и не достигнув заветного дна цветочной кадки.

Несите! – козырнул слегка захмелевший Чугаркин и ткнул пистолетом в бездыханную массу Бодуненца.

А генерал, подражая своему любимому киногерою Оби-Ван Кеноби, добавил: «Да пребудет с вами сила!»

Савелия загрузили сначала со всеми почестями в автобкс на крыше кроссовера, вру, просто зафиксировали ноги и руки в креплениях для лыж и сноубордов, а по прибытии на взлетно-посадочную полосу – забросили в корзину воздушного шара, стартовавшего с ежегодного международного слета баллонистов в Кунгуре; прилепили на клей для зубных протезов ладонь прикорнувшей после успокоительного укола клофелина Оксаны, которая до того неистово отжигала на столе.

Разноцветные шары взмыли в ночное небо над райцентром и дружно полетели на восток. Кроме одного. Шар словно по чьему-то невидимому приказу резко изменил курс в направлении юго-запада...

Пираты, вызволив главаря из объятий осьминога, быстро развернули катер в сторону Бодуненца.

Савелий сунул руку в карман брюк за спасительной банкой с ядовитыми грибами. И тут же обнаружил, что потери были куда более ощутимыми: кроме банки исчезли трусы вместе с красными кожаными галифе, ченч с генералом (долго настаивал), и еще какая-то фигня, пропажу которой Савелий почувствовал несколько позже.

«Всё-таки зацепился за острие мачты!» – сокрушенно подумал он.

И, действительно, вместо черного флага на мачте скрывшегося почти полностью под водой баркаса трепетали любимые ярко-розово-махровые трусы Бодуненца, подарок коллектива лица на полувековой юбилей.

– Чтобы жизнь была только в розовом цвете, – пояснил приятель Серега Кокетов, вручая нижнее белье. – Примерь прямо здесь и сейчас: все свои!..

Глава 2

Лева, заскочив в квартиру после очередного ночного дежурства, целиком сбросил одежду и сразу прилег на кровать.

– Спать! Скорее спать!

При этом он широко зевнул. За стенкой или этажом выше привычно застучали по батарее центрального отопления.

«Ну и слышимость!» – законвульсировал ногой Смолянский.

Где-то в доме, несмотря на раннее воскресное утро, затарахтела электродрель. После получасового метания по кровати Лева, наконец, заснул. Закопался в спальный мешок внутри двух свернутых в рулон матрасов.

Среди его снов преобладали сюжеты, связанные с работой.

К примеру, сегодня Смолянский оказался вместе с пластическим хирургом Куприясовым на фабрике по сборке людей будущего.

По виду производственный цех напоминал среднее между операционной и конвейером автозавода. Вокруг транспортной ленты под бестеневыми светильниками сутились рабочие в белых халатах, лица которых полностью совпадали с лицами участников X Всемирного симпозиума проктологов (и#160;на нем, между прочим, обширный доклад с темой «Рукопожатие в центре желудка» сделал также Лева. Тогда зал аплодировал, стоя: после наглядной демонстрации на усомнившемся оппоненте – метод был осуществлен обеими руками Левы).

В этом цехе круглосуточно формовали разумных приматов XXII века. В три смены.

Начмед Либерий Квасцов, отвечавший за комплектацию, бегал концентрическими кругами: под угрозой поставлен план выпуска жителей для одного приполярного города:

– Лева, живее сюда!

Смолянский с Куприясовым быстро проследовали к начмеду.

– Конец года. Брак обеспечен! – тяжело вздыхал Либерий. – Посмотри вон на тех двоих из последней партии: по две правые руки. Причем негнущихся в локтях. Опять паленый контрафакт из Бангладеш!

– В первый раз костерили, за то, что все руки-ноги левые, в этот привез одни правые, – обиделся снабженец. – Теперь по накладной полный ажур!

– Левые мы уже приладили, тебя не дожدهшься! – перешел в наступление пластический хирург.

– Как это?!

– «Элементарно, Ватсон»: одну ладонью книзу, другую – кверху. С ногами еще проще – в ботинках не видно. В октябре вообще для жителей Океании вместо отсутствующих на складе носов ладони приспособили: пятерней, поди, легче кокосы срывать, чем ноздрями. Даже премию за это главному сборщику выписали.

– Тогда... уши тоже можно одного типа закупать, – осенило снабженца, – просто перевернул и...

Подбежал взмыленный мастер-хирург:

– Либер, надо срочно скомпоновать двух негров! Рекламация с Новой Гвинеи.

– Ваяйте!

– Ваяйте?! Несколько кусков черной кожи не хватает!

– Срежь с моей старой кожаной куртки – возьмешь в бытовке и пришпандорь. Или еще проще, на, держи ваксу, замажешь ей светлые участки!

Лева, испытывая неясный внутренний холодок, подрулил к палете и тотчас схватился за сердце:

– Где вы, чумики, такие спинки хранили: одни – загоревшие до безобразия, другие – бело-розовые?! Опять под открытым небом?

Еле отдышавшись, он предложил работягам:

– Смажьте хотя бы тональным кремом.

– Мы их в солярий закинем, – просветлело лицо производственников. Или в коптильню. На углях. Во дворе. Там шашлыки жарят.

– Это долго. Сейчас в моде коптильные растворы – действуют быстро и эффективно, – дал наводку Либерий.

– Негоже. Будет стойкий колбасный запах. Лучше отколеровать в цехе покраски, – посоветовал Куприясов.

– Сегодня новые грудинки подогнали. Из композита на основе стеклоткани и эпоксидки. Крепятся на защелки, – похвастался снабженец.

– Вижу, качество неплохое. Но на всякий, дядя Жора, при монтаже сверни дополнительно по саморезу. Хуже не будет!

– Сначала руки к ним надо пришпилить, – электрик взял руковерт. Нажал на кнопку пуска. Никакого эффекта.

– Ёлы-палы! Аккумуляторы сели, – зло бросил он. – Электролит не той плотности. Надо бы медицинского спирта для коррекции добавить.

– В аккумуляторы? – захлопал глазами Квасцов.

– И в них тоже! – неприязненно зыркнул глазами электрик: «Не понимает!»

Выдали спирт из старой заначки. Работа тут же зашпорилась...

– Ну кто, ну кто поставил такую печень?! Смотри, какая серая, сколько в ней жира! Это типичный сбой! Ливер! А поверхность? У меня трехлетний плащ лучше выглядит! Нашего снабженца нужно самого на органы пустить. Забодал всех! – в сердцах воскликнул Лева.

Либерий принялся:

– На самом деле или мне кажется: желудки подгнили?

– Да не, обман обоняния! – успокоил мастер. – Луженые! Сами лудили.

– А после? Для закалки? Промывали колой?

– Обижаешь, начальник? – крикнул инженер-технолог (видимо, промывали желудки не только изделий).

На крюках над конвейером висели бухты с тонкими кишечниками и толстыми кишками.

– Стыковать приходится вручную, – пожаловался монтажник. – На ошупь.

– Привыкай! Все через это прошли. И степлером не забудь скрепить, но не канцелярским, а мебельным. И стыки промажьте пластилином для герметичности... А почему толстые кишки такие пятнистые? Поди, опять со змеями перепутали из китайского ресторана?

– Не исключено!

– Что с изделием № 3728? – обратился к мастеру Квасцов.

– С бенгальской тигрой?

– Да. Как с мордой?

– Присобачили.

– Вот именно «присобачили»! – ужаснулся Куприясов. – А надо было «притигрячить»! Или ты предлагаешь мне прямо сейчас блефаропластику делать?! Без надлежащего инструмента? Увольте!

Из подсобки вместе с дюжиной молоденьких студенток выпорхнул научный куратор проекта Гогуа Ревазович Гугидзе, профессор медакадемии. Он осуществлял идейное руководство и консалтинг.

Схватив Леву за плечо, Гугидзе засеменял мелкими перебежками от одного рабочего к другому.

– Вот по спецзаказу очередного зарубежного президента формуем, – похвастался он, – атлетического сложения, без вредных привычек, с энциклопедическими запасами знаний! Как темка? А?!

– Только что мозги вправили – отрапортовал механик кузнечно-штамповочного прессы, поигрывая кувалдой в руке.

– Поверхность головы отрихтуй, – посоветовал Гогуа Ревазович, оценивая результат. – И лучше рашпилем – извилины кое-где просматриваются. Опять, что ли, не тот размер втиснули?

– Шестой, как просили! Просто слегка перегрели в муфеле. Вот они и выпирают.

Через час профессор не на шутку разволновался:

Почему мозги не фурычат??

– Похоже, нейронные контакты окислились, – загундел электронщик.

– Протрите нашатыркой.

– Порядок! Зашевелились!

Профессор продолжил:

– Чипы в мозгу тестировали? Без вирусов? «Касперским» прогнали? А «Доктор Вебом»? Смотрите мне, оглоеды! Скачайте утилиты с сервера. Да не тем шнуром! Куда? Куда ты его в ухо-то суешь?! Опять двадцать пять!.. Теперь в выход толстой кишки! Он не для того предназначен! Это для тонкой ручной юстировки. Снова да ладом.

– Так, у вас тут всё через зад делается, – пытался оправдываться недавно принятый айтишник.

– Уйди. Не буди во мне зверя! – взорвался Лева. – Вон в пупке разъем. HDMI. В него коннект. Пупок потом прижги. И поаккуратнее, тупица!

– Нитки кончились уши пришивать нечем, – доложила Лева пожилая сотрудница.

– Холодной сваркой попробуйте, – посоветовал Смоленский.

– Отмерзают.

– Тогда сади на клей!

– Акрильный в бочке затвердел.

– Лепи на бустилат! Всё вас учить надо!

– Непорядок: нервы в груди болтаются. Завяжи их бантиком, а лучше тройным морским! – распорядился Лева. – И уши засверли нормально: смотри, какие слуховые каналы узкие. Заодно ноздри. По регламенту вообще все отверстия следует прозенковать.

Между станками и операционными столами с вороватым видом шнырял Гундюк.

– Гунчик, что тут ползаешь? Опять клей тибришь?

Гундюк пробормотал что-то невразумительное.

Внимание Левы привлек молодой сборщик:

– Ты почему, фофан, голову прилепастил затылком вперед? Как он теперь прямо ходить будет? Пятясь?!

– Пусть учится лунному шагу у Майкла Джексона, – нашелся парень...

– Надо позвонить жене, – Лева похлопал по карманам халата. Мобилы не было.

– О, черт! – хлопнул он себя ладонью по лбу. – Забыл его в желудке! Когда пальпацией проверял у заготовки отсутствие язвы. Что желудок уже приладили? Придется доставать телефон через гортань.

Лева на всякий случай пошарил в горле. Вдруг отрыжка. Пусто. Спустил руку ниже, по локоть, по плечо и с диким воплем выдернул:

– Кусается! Какая-то сволочь! Внутри! Никак кот приبلудился!

– Сзади попробуй, – посоветовал Куприясов.

Лева привычным прямым слева засадил кулак в толстую кишку. Через секунду пятерня проктолога вышла наружу через гортань. В ней оказалась металлическая вилка, вероятно, оставленная рабочими во время обеденного перерыва:

– Ничего нет. Знамо, затерялся где-то в закоулках. Или... перепутал?.. Не в этом?.. Либбер, набери меня!.. Ха! Вот же#160;ж он! В кармане плаща!

Электрик дядя Жора в тему поделился своим. Наболевшим:

– Я в той партии дамочек, что на днях отгрузили в Уругвай, внутри какой-то из них, авометр посеял.

– Не беда! – успокоил Смолянский. – Будет здравствовать, особого вреда нет. Если не надумает ходить рядом с трансформаторной будкой. Тогда от индукции стрелка зашкалит. И, естественно, появятся колики.

Гогуа Ревазович торжественно поднял руку вверх:

– Товарищи! Теперь президента оживляем. Помните как? Приставляете высоковольтные электроды к груди и осуществляете принудительный массаж сердца... Почему не надел резиновые перчатки, фалалей?! Теперь тебя придется оживлять!!

Лева поинтересовался:

– Как сердца? Шестнадцатиклапанные? «ВАЗовские»?

– В этот раз «пламенные моторы» с часовым механизмом, на пружине. С подзаводом при встряхивании. Гарантия на сто лет, – выпятил грудь Гугидзе. – На двадцать президентских сроков хватит.

– Годится! Тут вы молодцы! Гидравлику залили? Прокачали тормоза... э-э-э, сосуды?.. Добро.

Лева с Куприясовым забежали в отдел окончательной товарной отделки. Смолянский напомнил сотрудникам:

– Не забудьте волосы высеять, где нужно. Не перепутайте: мужчинам покороче и пожиже, женщинам – погуще и подлиннее. Вон там бобины с готовыми волосами, а на окне в майонезных баночках проросшие волосяные луковицы. В обед чуть не использовали для крошки... И#160; для приполяриков волос не жалейте... Да что вы из них обезьян-то мастрячите, кони педальные? Они же не мамонты, в конце концов!.. Ах, без одежды ходить будут, как питекантропы?.. Тогда другое дело! Беру слова обратно. Раз в техкарте прописано, значит, верно гутарите! Продолжайте высев. Но заставили, лиходеи, меня понервничать!

В разговор вмешался маммолог Какобякин:

– Правильно, Лева! Лучше лишний раз удостовериться! В давешней партии начудили: высадили волосё женщинам на перси. Чистейшей воды косяк! Пришлось в комплект поставки бесплатно вложить электроэпиляторы: непредусмотренные допрасходы!.. И не забудьте, лодыри, дамам формы компрессором подкачать! А то уже изначальное плоскопие...

На этом месте Лева проснулся. «Совсем забыл, что в воскресенье надо съездить к внуку, с которым нянчится жена, в Закамье», – пронзило Смолянского, и он стал выбираться из спального лежбища...

Глава 3

8.15

Накануне вечером, после искреннего признания в двойной игре, майор Чугаркин мило- стиво разрешил Малярчуку продолжить обычную размеренную жизнь. Просил даже попри- сутствовать на обмывании звездочек «капитуана Боду-немца», но Всевин страх перед женой пересилил желание расслабиться...

В четверть девятого зазвенел будильник.

Всева стукнул себя по лбу:

– Тхы! Мне ж сегодня надо кисточку прикупить для покраски батареи центрального отоп- ления!

Малярчук сунулся в платяной шкаф в секцию нижнего белья. Пусто. Заглянул под кро- вать: ничего, кроме пыли. Пошарил по углам: чисто!

– Где мои носки?! – воскликнул Батумыч. – Опять озоруеть, Моня?

Кошка презрительно фыркнула.

Из кухни тотчас показалась голова жены:

– Пока ты тут шелкаешь клювом, другие делают на них солидный бизнес! Чем мы хуже?

Заинтригованный словами супруги Малярчук рысцой направился на кухню. Его глазам предстала следующая картина: на газовой плите стояло несколько разноцветных кастрюль. Мариша периодически помешивала кипящую в них жидкость большой поварешкой. Рядом располагалась целая батарея банок с различными осенне-летними заготовками. А на табуретке лежала куча Всевиных носков. Здесь же была прикручена мясорубка, через которую женщина пропускала галантерейные изделия мужа, получая из них мелкий хлопчатобумажный фарш.

– Что за дела? – вскричал Малярчук, успев выхватить из горловины мясорубки пару целых носков.

– Знаешь, раззява, как Нина Бодуненц с пятого этажа озолотилась? Очередь на год впе- ред! За ее варевом. И всё благодаря природной смекалке! Она мне по старой дружбе и раскрыла секретный рецепт приготовления. У нее, к слову, вчера сдуло ветром с лоджии несколько сох- нущих носков. На деревья под окнами. Так пожарники с коммунальщиками настоящее сафари устроили: пока одни снимали носки с помощью выдвижной лестницы, другие просто спилили деревья. А потом рвали добычу друг у друга как тузики грелку¹.

Мариша отвернулась и продолжила деловито колдовать над своим зельем.

В один отвар она добавила земляничного варенья, в другой – укроп и чеснок, в третий – корицу и уксус.

Причмокивая от удовольствия, женщина периодически дегустировала содержимое кастрюль.

– Хочешь попробовать? – поднесла Мариша к губам Всевы ложку зелья.

Малярчука передернуло от одного запаха.

– Ну же! – продолжала настаивать жена. – Проверим действие отвара на иммунитет.

Батумыч опрометью бросился к двери. В одной пижаме, прихватив верхнюю одежду с собой.

«В подъезде надену», – подумал он. До открытия магазина было еще больше двух часов, но Малярчук решил, что лучше подождать у дверей строймаркета, чем оказаться в роли под- опытного кролика.

¹ Впоследствии на соседней липе сотрудники МЧС обнаружили двух мужчин, которые прятались в ветках в надежде заполучить халявные подарки. Чем питались? Научились добывать жучков-древоточцев: как дятлы носами долбили кору. Птичья жизнь затягивает. Свили гнездо, готовятся к появлению потомства.

Еще вечером, пока Всева отсутствовал, Мариша, окрыленная успехом супруги Бодуненца, перетрясла все носки мужа и к своей радости обнаружила кучу неиспользованных заначек. Поэтому она даже «простила» Всеве позднее появление и милостиво разрешила закончить покраску батареи центрального отопления в большой комнате.

Малярчук попытался увильнуть от «почетной обязанности»:

– Так кисти нет.

– Ничего, съезди в строительный гипермаркет. Только утром, пока твоих дружков не набежало.

В Марише проснулся глубинный дух естествоиспытателя. Ей не терпелось апробировать полученное снадобье на ком-либо постороннем. К сожалению, муж трусливо утек, мастер, который делал ремонт, придет только часам к двум (возможно), остается племянник! Пора будить родственничка. Тринадцатилетний Спиридон накануне приехал к тете Маре в гости.

Жена Малярчука растолкала подростка:

– Спирия, глотни для пробы.

– Что это?

– Пиво... самодельное, – нашлась Мариша. – Лучше чипочного...

– Сальмонеллез, – диагностировал врач «Скорой», осматривая подростка, между забегами последнего в санузел.

Диагностировал, а затем шмякнулся на пол – надышался парами. Угорели и санитары, которые вытаскивали носилки со Спиридоном (последний уже находился без сознания, бредил).

– Спайс курили? – сморщился главврач, навещая всю «команду быстрого реагирования» в палате.

После выяснения всех обстоятельств сотрудники провели полную дезобработку салона «Скорой помощи» и медперсонала...

Минутами десятью позднее, сама Мариша, в принципе устойчивая к носкам мужа, тоже завалилась в коридоре. Но ненадолго. Оклемавшись, жена Малярчука на этом не успокоилась: «Вероятно, виной всему передозировка носочного фарша». Решила: нужно попробовать отвар на закаленном субъекте, то есть Гундюке.

Она направилась в шестой подъезд. Поехала на лифте (там потом обнаружили жильцов в обморочном состоянии).

Добравшись до шестого этажа позвонила в нужную квартиру. Из глубины апартаментов послышался хриплый мужской голос:

– Кто там ломится? Сейчас отворю.

Но реального действия не последовало.

Мариша повторила попытку. За дверь что-то прогремело, но она так и не открылась. Женщина забарабанила в металлическую поверхность тамбура.

– Кому тут жить надоело? – послышался сонный женский визг, и дверь, наконец, распахнулась. На пороге показалась заспанная жена Гундюка. Она впустила Маришу с кастрюлей внутрь:

– Че, борщ? Закусь? По запаху чую! Давай, тащи на стол!

– А где сам?

– Вон, рядом.

Взору гости представился Гундюк, который методично заглядывал в холодильник, стоящий в коридоре, и спрашивал: «Кто там?»

В конце концов, Гундюк приоткрыл дверцу в морозильное отделение и засунул туда голову:

– А на улице-то мороз! – удивился он. – И гололед (скользнул носом по стенке). Ранняя нынче зима.

– Я тебе опохмелку принесла, чтоб не замерз, – расплылась в улыбке жена Малярчука. Хозяин прямо вцепился в кастрюлю с отваром.

Скоро Гундюк, отведав Маришкино зелье, также попал в инфекционное отделение, уж на что крепок был, не чета Гемблу (скорую помощь, забравшую его, и видели потом пацаны утром). В больничку угодили и Мариша с супругой Гундюка, но в легочное отделение – так-таки надышались флюидами носков Малярчука (в своей прошлой разведдеятельности он их использовал как эффективное средство признаний при допросах)...

Приоткрыв глаза под капельницей, Мариша постаралась проанализировать неудачу эксперимента: «В рецептуре имеется какая-то заковыка. Лучше сначала всё же было протестировать отвар на муже! Связать его ночью бельевым шнуром. Никуда бы не делся, растягай, заглоти, как миленький!»

Лечащий врач при осмотре Мариши потерял сознание от запаха, пропитавшего волосы госпитализированной женщины, и брякнулся на соседнюю койку, несмотря на то, что там уже лежала другая пациентка.

Глава 4

10.00

Воскресная внеплановая оперативка по поводу участия в эстафете началась в 10.00.00. Их Величество стремительно ворвались в кабинет и оглядели стоящие по стойке смирно ряды своего плембса.

– А где Б-б-бо-бо?.. – хотел по традиции взвизгнуть директор лица, но тут же напомнила о себе «бо-бо» (боль от пендаля Гагулька), и он закашлялся.

Одновременно с Их возгласом раздался телефонный звонок:

– Майор Чугаркин. Мне бы рядового Кольцова.

– Но я только что был на сборах, – запротестовал Александр Леонхардович. – Сколько ж можно?!

Директор испуганно всплеснул руками (все расценили этот жест как сигнал садиться) и тут же вспотел до самого педикюра.

– Вопрос неправильный! – обрезал Чугаркин. – Правильный вопрос: «сколько нужно?» Однако в этот раз я по другому делу. Соотносительно капитана Бодуненца. Знаешь такого? Зна-е-шь! Короче! Он в спецкомандировке. Уяснил? Тебя спрашиваю? Или еще раз на сборы? Годика на три-четыре?! Во все горячие точки?! А если в стройбат? В Борзю?! Без сохранения зарплаты?! Тебе! Не ему!

– Так точно! – великолепно продемонстрировал ранее приобретенные навыки Кольцов, моментально вытянувшись во фронт.

В телефонной трубке раздалась короткая гудка.

Их Величество с трудом перевели дыхание:

– Ну-с, приступим!

В роскошном кабинете директора лица на стенах среди подлинников Модильяни горели свечи – замучали перебой с электричеством. В центре стояло пафосное кожаное кресло с подлокотниками из слоновой кости, инкрустированными золотом. Перед ним располагалось два стола из красного дерева. Длинный, с соблазнительной батареей кампари, полных графинов и бокалов, предназначался для сотрудников. Вдоль него и разместились участники так называемой «аперитивки».

Их Величество взял в руку полулитровый фужер, до краев заполненный коньячком «Генрих IV Дудоньон» и подал сигнал к началу совещания. Все дружно чокнулись посудой.

Во время дегустации директор лица, расстроенный мыслью о скором расставании с секретаршей Люси (согласно действующему трудовому законодательству), пристально посматривал на женскую часть коллектива: «Кто не станет пить – готовится к декрету!» Обнаружилось: старший методист!

– Аделаида Викторовна? Вы тоже в интересном положении? – захлопал ресницами Кольцов – Но вам же далеко за пятьдесят три?!

– Типун на ваш язык! Просто сегодня я за рулем: у мужа, пока он дрых после вчерашнего междусобойчика, взяла ключи от авто.

– Вот почему пробка от самой Камы – осенило Кометова.

Кольцов облегченно смахнул пот со лба – ложная тревога!..

После опустошения своего фужера директор лица Александр Леонхардович Кольцов (это не с него ли впоследствии Леди Гага запишет знаменитый шлягер «Александро»?) наконец озвучил тему экстренного заседания:

– На повестке дня – корректировка стратегемы участия и... победы! в сегодняшней эстафете. В связи с непредвиденными кадровыми изменениями. Но вначале свежая новость. Завтра, в понедельник, мы отправим всех лицеистов на хозработы на виллу к нашему спонсору

– директору машзавода сантехизделий господину Качкову. Это ничтожная благодарность за покупку им для нас новеньких офисных стульев.

И Кольцов обвел широким жестом зал заседаний.

Накануне на деньги спонсора приобрели красивые современные стулья из винилискожи на роликах. Одно загляденье. Но... Но! Но с неприятным «сюрпризом»: при вставании или приземлении торса на сиденье издают характерный непарламентский звук.

Все дружно рукоплеснули: значит, завтра будет время для содержательного отдыха. И глотнули из бокалов.

– Сегодня же у нас полноценная учебная смена... Извините, ошибся, только до часу дня. Далее подготовка всего коллектива к спортивному состязанию.

«Всего? Нет, не всего, кого то нет!» – пронеслось молнией в мозгу директора.

– А где?.. – повторно хотел произнести он вслух фамилию Савелия, но тотчас в памяти всплыло «деловое соглашение» с капитаном Чугаркиным и Витьком-Гагульком, после чего седалище заняло еще сильнее, – мистер Важник?

– Здеся я! – в кабинет директора просунулась вихрастая голова Сени.

– Почему опоздал? – вскинул брови Кольцов.

Сеня досадливо поморщился.

«Почему, почему? – мысленно передразнил он Их Величество. – А как тут не опоздаешь с таким столпотворением?..»

Четверть десятого. Важник привычно стоял на остановке «Ироничная компания». Народу – туча. Транспорта – ноль. Опять где-нибудь затор. Или мост ремонтируют. Наконец, из-за угла появился долгожданный автобус. Салон переполнен. До предела. Воскресенье. Все едут на центральный рынок за картошкой и тыквой, никто не выходит. Тем не менее напихалось еще.

Едва тронулись, водитель, увидев, что выпирающая из дверей толпа задевает спинами фонарные столбы, заскандалил в микрофон:

– Освободите подножки, гады, а то дальше не повезу!

Народ не реагирует: всем хочется побыстрее добраться до рынка. Гроздь пассажиров как висели бананами, так и висят.

– Ах, так? Ну-ну! Кто кого? – и водитель выразительно прикрылся газеткой, делая вид, что спит.

– Ты что, Афоня, офонарел?! Мы ж сегодня ничего не заработаем! – застонала кондукторша. – А у меня дети не кормлены!

Афоня, скрипя зубами, выпрыгнул из автобуса и решительно направился к передней двери пассажирского салона. Злобно очкуя глазом, он выбрал в гуще самого щуплого мужчичку, примостившегося с остальными на подножке (с такой-то комплекцией – много места не займешь) и вытащил его за фалды пиджака.

– Кому сказал?

Не дождавись ответа, Афоня лягнул мэнчика в живот. Тот упал на других пассажиров. И попытался снова раствориться в людском массиве.

Водитель, однако, успел поймать его за брючину и опять изъясился на свет божий.

Сеня, которому не досталось места в висящей куче-мале, встал на защиту гражданина и залимонил пятерней в нос шоферу.

– Всё равно не поеду, пока не освободите дверь! – заскулил водитель, массируя переносицу.

Важник почувствовал, что упускает единственный шанс своевременно добраться до лица. Поэтому круто сменил намерения и засветил в ухо щуплому пассажиру:

– Тебе ж русским языком сказали: «Отвали!»

Неожидавший столь резкого поворота событий незадачливый мужчи́нка бросился во дворы.

– Не поеду! Ни за что! – продолжал капризничать Афоня.

Здоровый бугай прыгнул с подножки, схватил водителя за шиворот и стал трясти на одной руке, как ветку алычи:

– Что тебе еще надо, хорек? Не успокоился, скандалёр!

Сеня, видя, что силы явно превосходящие, повторно отвесил звонкую затрещину шоферу. Тот закачался, но на ногах устоял и, со своей стороны, со всей силы зафинтилил бугаю между глаз гаечным ключом, который предусмотрительно лежал в заднем кармане его джинсов.

Детина стал медленно оседать на корпус автобуса.

Сеня, оценив изменение тактической обстановки, внес коррекцию в свои действия и, схватив какую-то дубину, начал колбасить ею бугая, который к тому времени уже распластался у колеса автобуса.

Водитель одобрительно похлопал Важника по плечу и довольный выпущенным из котла паром полез к себе в кабину:

– Будь по-вашему, лохи. Поехали!

Автобус с открытыми дверьми и висящими облепихой пассажирами помчался дальше.

Самое интересное, что Сене, несмотря на всё его усердие, так и не удалось прицепиться. И он остался один на один с уже приходящим в себя и шевелящимся в пыли верзилой.

Поэтому Важник предпочел последовать за хилым пассажиром во дворы: прогуляться быстрым шагом до работы, благо, что до нее было всего километров десять...

– Извиняйте, – процедил Сеня и тихонечко опустился на свободное место.

– Слово имеет заслуженный бегун нашей команды господин Прохоров! – ткнул пальцем в Проктера Кольцов.

Проктер, в отличие от других, попивал жидкий чаек, брезгливо косясь на аперитив.

При резком вставании мастера с нового стула раздался тот самый шокирующий звук.

– Будь здоров! – сказал по инерции Кольцов.

Проктер заметно покраснел, но затем взял себя в руки (чего не бывает с организмом после излечения от коварной болезни) и обвел всех прощальным взглядом:

– Друзья мои! Вам уже известно: вчера я бросил пить! Окончательно и бесповоротно! И как ни крути рукоятку суппорта, не смогу принести победные очки нашей команде. Мне остается лишь сожалеть о своем отводе. В качестве компенсации обязуюсь сложить песенную оду об этом прекрасном событии. Благодаря открывшемуся поэтическому дару. Прискорбно, что и мой подававший большие спортивные надежды ученик, Глеб, в больничке... Посему все наши чаянья и помыслы связаны исключительно с новым мастером по столярному делу, товарищем Важником! Учитывая его блестящую характеристику с предыдущего места работы! Поприветствуем же нашу талантливую молодежь!

И он, садясь, ласково потрепал Сеню по спине.

– Надо сдерживать животные инстинкты! – блеснули глазами Их Величество во время обратного приземления Проктера на стул.

Сеня «последовал примеру мастера» и также «звучно» встал со своего места. Сначала смутился, а потом сделал вид, что нашел что-то в кармане.

– «Уж небо осенью дышало...» – удачно вернул аллегорию Проктер.

– Я тоже сегодня на завтрак откусал гороховый фрэш (*зеленый горошек + горошек полевой + мозговой + мышинный + нут + маш + конские бобы, прим. автора*), но ведь сдерживаю себя! – тактично заметил Кольцов. – Или ты рассчитываешь, что «это» поможет тебе на дистанции?!

– Нет, только на собственные силы! И только на них! – сделал Важник обиженное лицо и плюхнулся на место.

– Но никогда на «допинг»! – остроумно откликнулся на очередной звонок водитель директора Михайло Потапыч.

– Научитесь владеть собой! – нудно затынул старую песню директор, когда в Серега Коментов, привстав, в третий раз потянулся рукой, чтобы подлить себе винца из бутылки.

Их Величество чуть не заплакали от обиды, что никто и никак не реагирует на Их замечания, особенно, когда завхоз Альберт Силыч нагнулся за упавшим огурцом, а сварщик Кутепов стал беспричинно ерзать на стуле.

– Давайте сейчас все выпустим «джина»! – не унимался Кольцов.

Но звуки продолжали следовать один за другим: после кампари наступило всеобщее оживление.

– Вы сегодня просто сатанисты какие-то! – вспыхнул Кольцов, решив, что, очевидно, проявилось массовое отравление салатом «оливье» на вчерашнем «форуме».

– Так как же нам выиграть у стройтреста? С подобным расстройством желудка? Есть ли шансы? Что думают по этому поводу наши специалисты? – и директор повернулся в сторону Аделаиды Викторовны.

Старший методист не стала рисковать репутацией и произнесла:

– Разрешите, я скажу сидя.

Аделаида Викторовна поползла вместе со стулом к шкафу с документами в другом углу кабинета. Там у нее лежала трехтомная аналитическая записка.

Люси лишь взвизгнула, когда ей проехали стулом по новеньким брендовым итало-вьетнамским туфлям, оставив полоску, так что носки стали походить на две большие сливы.

– Только, пожалуйста, покороче, время жестко лимитировано, – осадил набравшую глубоко в легкие воздух женщину директор.

– О'кей.

Старший методист ограничилась парой реплик. Из них явственно следовало, что на всё воля свыше.

После слов Аделаиды Викторовны Проктер аж покрылся испариной от жаркого вдохновения. Видимо, приступил к своей песенной оде. И приподнялся со стула.

Снова раздался провоцирующий звук!

В этот раз Кольцов в ответ просто заскрипел от бессилия зубами.

Проктер поковырял сверлом в ухе, пытаясь, очевидно, извлечь оттуда застрявшую металлическую стружку, резонирующую с частотой зубовного скрежета директора.

– Для этого используются ватные палочки, – брезгливо бросил Кольцов.

Проктер покосился на директора.

«И что я этой палочкой смогу стальную стружку оттудова достать?» – промолчал он.

Сеня меж тем слегка кимарнул.

– А сами вы как? Готовы возглавить эстафету и вписать победную страницу в летопись лица?.. Так и не услышали четкого ответа? Господин Важник, я к кому обращаюсь?! – прогремел голос директора лица.

Сеня встрепенулся: «А, действительно, к кому?» – и стал вертеть головой по сторонам.

– К вам, именно к вам!

Скрипнула массивная дубовая дверь в кабинет. Это зашел Кофейня с удочками, подсачником и большим гипсовым бюстом Аристотеля.

«Почему же столь сильно опаздываете, уважаемый Иван Поликарпович?» – так, на всякий случай мысленно спросил Кольцов. «Троллейбус застрял», – по аналогии мысленно ответил Кофейня.

И не мудрено! Поскольку шестиметровое осиновое удилище, которое он выставил в вентиляционный люк троллейбуса, замкнуло провода высоковольтного электропитания... Обеспокоен весь микрорайон! Одна, если не главная! причина частых перебоев с электроэнергией в городе.

Старпреп между тем поставил хлыст в угол, где директор предусмотрительно приказал разобрать секцию подвесного потолка. Удилище на четверть выставлялось в класс этажом выше и там периодически насаживало на острие какую-нибудь живность. Вот и в этот раз откудато сверху донесся истошный девичий визг.

Сколько не пытались усостыжить Кофейню, сколько не дарили ему раскладных японских спиннингов, он всё равно не расставался со своей осиновою снастью.

«Ему хоть осиновый кол на голове теши, или лучше посадить его на это "удилище"!» – возмущались в кулуарах сотрудники лица, растирая поврежденные места (те, кто на себе испытал «оружие возмездия»).

– Ристотель – вместо грузила или подставка хорошая: сверху меховую кепку накинь и сиди на здоровье, – с этими словами, иллюстрируя сказанное, Кофейня ловко взобрался на голову Аристотеля, пристроив ноги на носу бюста.

– Са ва тре бьен! – по-французски (*ça va très bien – всё супер*) высоко оценил наличие достаточного количества аперитива Кофейня, причмокивая губами и ерзя корпусом на кепке.

– Ах, сова?! Опять ее требует! – возмущенно зароптали участники совещания, вспомнив историю полугодовой давности...

Обычно Кофейня восседал на чучеле редкого экземпляра полярной совы из краеведческого музея. Его еле-еле отобрали сотрудники этого учреждения, подкараулив как-то мэтра у винного бутика. С них за данный экспонат уже год как вычитали из скудной зарплаты.

– А вы, я смотрю, тут газуете почему зря! – нацелился подсачником Кофейня на графинчик с аперитивом.

– И ты заметил, – обреченно вздохнул директор лица, зажимая пальцами ноздри.

– Чего-чего? Кого-кого? – не расслышал старый мэтр.

Директор повторно рявкнул что есть сил в специальный мундштук на столе, который замысловатыми изгибами труб был подведен в угол, где обычно дислоцировался Кофейня и упирался тому прямо в ухо.

В этот раз возглас был такой силы, что Кофейню просто смело с бюста в противоположную стену.

– Что ты шепнул, не расслышал! – проскрипел Кофейня, когда его «соскоблили» с радиатора центрального отопления.

– Не притворяйся, не притворяйся! – взбеленился Проктер. – Тут все знают, что у тебя слух полностью восстановился. После «чудо-носок».

– У него там, наверное, за ночь опять заросло! – догадалась Аделаида Викторовна.

– Несомненно! – согласилась фельдшер Валентина. – Хотя я только вчера вечером состригала его волосё, но не закончила процедуру, потому что потеряла в правом ухе портновские ножницы.

– А я после этого еще два часа чистил твои слуховые каналы на фрезерном станке! – захлебнулся от злости фрезеровщик Прокопчиков, обращаясь к Кофейне. – Сначала в обычном режиме, но когда твоя голова с туловищем стали вращаться с частотой шпинделя, и у тебя началась морская болезнь, зажал голову в тисы?

– И что?

– А то, что сломал в твоём ухе сверхтвердую фрезу из нитрида бора. Знаешь, сколько она стоит?! А ты так и не проставился!

– Не тебе одному! – откликнулся из дальнего угла сварщик Кутепов. – Мне потом автогеном пришлось вырезать дремучие волосяные джунгли, чтобы извлечь из ушей ножницы и остатки злополучной фрезы для списания.

– Перебьетесь, джентльмены! – отрезал Кофейня, ловко подцепив заветный графинчик и притянув его к себе.

После минутного раздумья директор лица продолжил:

– Мистер Прохоров, сожалею, но вы будете в резерве команды, так как утратили профессиональные качества.

Проктер беззвучно пожевал воздух губами в поисках очередной занозистой рифмы («качества-мачества-басмачества-землячества»)… и споро взялся за ручку.

– Проктер, ты что там все время строчишь? Заяву на меня в органы или протокол заседания? Поясни! – подозрительно покосился на мастера Кольцов.

– В данный момент мое воображение захлестнула волна производственной лирики, – выдохнул мастер Прохоров и с гордостью зачитал собравшимся свежеиспеченное творенье:

*Не ровен час, деталь в дугу запорешь!
Стою на смене, не жалея ног.
Нас двое в целом мире: я и кореш,
Мой верный кореш – фрезерный станок!*

– Превосходно! – воскликнула старший методист.

– Пиши, авось что-нибудь получится. А мы с нетерпением ждем вашу зажигательную речь, Иван Поликарпович! – повернулся к Кофейне директор.

Мэтр сантехники, явно ожидавший своего часа, достал изнутри кепки пожелтевший замызганный листок и с чувством произнес несколько фраз, больше похожих на свадебный тост.

Проктер, у которого прорезался поэтический дар, прослезился и зачитал следом еще один стишок-нетленку:

– Да здравствует лицей, обитель доброты! Долой папараццей! Иль не согласен ты? – с этими словами он злобно сверкнул очами в сторону Сереги Кометова и больно ткнул того кулаком в бок.

Серега-физик, мирно спавший после винца и пламенной речи старого препа Кофейни, пискнул:

– Одобрям-с!

Все аплоднули и принялись за следующий бокал.

У Их Величества повторно зазвонил мобильник. Кольцов машинально нажал на кнопку.

– Алекс, бэдбойсик, ты почему меня вчера бросил? – заверещал в трубке голос девицы.

– Ты ктоу?

– Я Лэра. Лэра-беби.

– Какая Лэра?

– Лэра с машзавода? Ты что, забыл??

– А-а-а, – произнес Кольцов, – а-а-а!.. А с какого машзавода?

– Сантехизделий.

– А-а-а?.. А-а-а... А-а-а!..

– Вчера ехали вместе, когда тебя еще один чувачок классно отмутил у чипка на Среднеямской².

² «Деда в индиго», стр. 346.

– А-а-а?.. Нет, не помню! – сказал Кольцов, позеленев от злости. И лихорадочно сбросил вызов.

– Ошиблись, – пояснил он присутствующим, – опять женскую консультацию спрашивают. «Вот фурия! Только боль в седалищном нерве улеглась, опять напомнила!» – выругался про себя директор.

Кольцов зачитал электронное письмо, поступившее от Гембла:

– Вам, господин Прохоров, адресована: «Держись, Прока! Скоро выпишусь из психодиспансера и реабилитируюсь в глазах коллектива за случайно нелепый сход с дистанции!»

Проктер перекосячил лицом и опять углубился в свои вирши.

– Александр Леонхардович, можно, я пойду? – спросила, осторожно сползая с сиденья, секретарша. – Мне надо на УЗИ.

«На заре ты ее не юзи...» – остервенело засопел от восторга Проктер над следующим поэмым шедевром.

«Кому участвовать в эстафете? Люси уходит в декретный, Бодуненц – на спецзадании, Гембл в больничке, Скамейкин вообще пропал?!» – панически размышлял директор.

– Так кем, кем мы заменим на первом самом сложном этапе нашего преподавателя математики, господа?

Все одновременно посмотрели на Важника.

Кольцов расплылся в улыбке: прочитали, прочитали его мысли подчиненные.

– Почему я? Сначала же предложили во втором бежать, он хотя бы не в гору. Вон лучше Кофейню задействуйте.

Старпреп как лягушка подскочил на Аристотеле:

– Как ты меня обозвал? «Задеем»?!

Кольцов примирительно пошелестел в воздухе пальцами:

– Уважаемый мэтр сантехники обязательно побежит. Но будет участвовать в команде старожилов-долгожителей, где главное не результат, а «нереанимация». Поприветствуем же нашего прославленного мэтра!

Все дружно опустошили по следующему бокалу.

– Вы что рассчитываете на выигрыш в эстафете? – задал острый вопрос Кометов, обращаясь к старпрепу.

– Пробаблеман! – по обыкновению по-французски (*вероятно, прим. автора*) хрюкнул и загадочно улыбнулся мэтр сантехники.

– Кто о чем, а Кофейня, как всегда, о бабах! – сморщился Кольцов.

Сергея Кометов удивленно взметнул брови.

Аделаида Викторовна наклонилась к физику:

– Не обращайтесь внимания! Это привычная для него тяга к нарциссизму, обычная демонстрация.

– Какой я тебе «демон с рацией»?! – повторно подпрыгнул на бюсте мэтр сантехники.

– Кстати, вы, господин Кометов, будете вести уроки геометрии, – пришла внезапная мысль директору.

– На-на-черта-л-л-л-ки? – подавился аперитивом и стал заикаться Сергей.

– А я сказал: будешь! – взвился Кольцов. – И на эстафете побежишь! Как миленький! Последний этап.

– Живи, пока живой, мальчуга-ловелас, а от меня, усвой, получишь, паря, в глаз! – откомментировал мастер Проктер демарш директора и больно ущипнул пробирающуюся к выходу Люси за ягодицу.

– Ты, Важник, – продолжил директор займешь место Глеба и... моей секретарши.

Сеня мотнул в недоумении головой: «Совсем сбрендил «Властелин "Кольцо"» – как я одновременно сяду с двух сторон стола?»

– А я сказал: займешь! – упреждая мысль Важника, рубанул с плеча директор лица.

Пришлось Важнику пролезать под столом и выставить затылок с того места, где сидела Люси, а ногу задрать со стула, который обычно занимал Гембл. Получилось, однако, не в жилу, потому что затылок оказался «лицом» к остальным заседавшим, а с другой стороны аналогично портила перспективу подошва с прилипшей кожурой банана. Фу! Тогда Важник повернулся на 180. Его физиономия чуть-чуть выставилась из-за стола: лоб, глаза и кончик носа. С другой стороны торчали носки ботинок.

– Не паясничай! – вскипел Кольцов. – Я имел в виду: будешь выполнять работу секретарши и попутно помогать мастеру Прохорову точить детали, а не ползать под столом. Ползёр! Сядь обратно!

Важник нехотя повиновался. Проктер посмотрел на Сенью отрешенным взглядом: «Дал, Бог, напарничка!» и, осененный строчкой: «напарничка – ударного труда ударничка», заскрипел шариком ручки.

Альберт Силыч, между тем, с треском упал со стула – перебрал малость.

– Вы что, сегодня все свекольной ботвы объелись?! – впал в ярость директор.

«Ботвы – братвы», – Проктер вошел в экстаз от подвернувшейся рифмы.

– Простите, Александр Леонхардович, но это не мы, а ваши новые стулья! От спонсора, – промычал с пола Альберт Силыч.

– Вообще, вы не находите, что эти «музыкальные» изделия несколько дискредитируют наши пищеварительные органы? – задала острый вопрос фельдшер Валентина.

– И мои кулинарные способности! – поддакнула Татьяна Кирюхина, повар лицейской столовой.

– Так это стулья? – открыл рот Кольцов. – А я думал...

– Плохо же вы о нас думаете! – икнул осмелевший после выпитого Серега Кометов.

– Немедленно разобраться в чем дело! Где наша кладовщица?

– Тетя Тося, вызванная по селектору, вошла бодрым строевым шагом (правда, взмахи рук не всегда координировали с ногами):

– Стой! Ать-два, – И вытянула руки по швам.

– Не подскажите, уважаемая Антонина Велюровна (Кольцов сделал упор на слове «Велюровна»), откуда у нас эти стулья?

– Знамо откуда. От спонсора, СиСиКэтча.

– Я спрашиваю, кто изготовитель? – уточнил Кольцов.

– С предприятия, что напротив.

– Так это произведение фабрики мягкой мебели «Песня пятой точки»?! – воскликнул завхоз. – Действительно, «песня»!

– А модель стульев называется «Праздник кишечника»? – сострил Серега Кометов.

– Срочно! Срочно заменить материал сидений на... велюр! – громыхнули Их Величество.

– Есть! – козырнула кладовщица и, углядев Кофейню на бюсте, тотчас присела рядом с Аделаидой Викторовной.

Тетя Тося не выдержала:

– Так и хочется отстригнуть у Кофейни его мохнатые уши. Они были бы идеальной мочалкой для чистки подгоревшего жира с чугунных сковородок.

– И не говори! А еще лучше использовать их для отчесывания моего лабрадора! – мечтательно вздохнула Аделаида Викторовна.

Несмотря на тихий шепот, Кофейня обернулся и злобно сверкнул очами. Прикидывался, что глуховат что ли?

– Теперь по остальным этапам, – вернулся к теме эстафеты директор. – Раскладка. Вот тут Люси набросала, кто где бежит. Похвально: мистер Важник стартует первым. Затем – Аделаида Викторовна...

– Я?!

– Надо, Деля, надо! Вместо Люси. Третий – Альберт Силыч, четвертый – Валентина, пятый... клятвенно обещался выступить за нашу команду известный бегунок, шлифовщик с завода, Паша Серемагин.

– И где он?

– Действительно, где?!

– Под административным арестом. На все пятнадцать суток, – поделился информацией сварщик Кутепов.

– Что же делать?! Тогда...

– Разрешите мне!

– Антонина Велюровна?! Не ожидал!

– Доковыляю, гарантирую! Чувствую себя на миллион!

– Пруф засчитан! Последний – господин Кометов. Итак, сегодня в четыре! Проявим масовость и неукротимую волю к победе!

Все голоснули чоканьем бокалов. «Аперитивка» подошла к завершению, так как весь аперитив был оперативно выпит.

– Что ж, по коням! – директор по обычаю выстрелил петардой в потолок. – Ап!

И все присутствующие мигом (таковы правила чирлидинга) рассредоточились по своим местам в пятирусной пирамиде. В самом низу на Аристотеле распластался подбрюшьем Кофейня. Кольцов венчал построение сверху, виртуозно балансируя на пышной прическе Аделаиды Викторовны, под разными подмышками которой уютно расположились параллельно полу Сеня Важник и Серега Кометов. Сама старший методист ногами на ширине плеч опиралась на шейные сгибы Альберта Силыча и Михайло Потапыча, водителя директора, которые, в свою очередь, симметрично стояли на вытянутых в стороны локтях главбуха Виолетты Макаровны. Последняя же в пятой позиции прочно топталась на спине мэтра, прижимая его живот к скульптуре древнегреческого философа.

Остальные сотрудники (кладовщица тетя Тося, фельдшерица Валентина, мастер Прохоров, слесарь-гипертоник Тимофеич, фрезеровщик Прокопчиков, сварщик Кутепов, повар столовой Татьяна Кирюхина) удачно дополняли гимнастический ансамбль различными античными позами.

На этой апогейной ноте слегка разомлевший Кольцов начал семафорить сигнальными флажками: «К мортирам!»

Потом все грянули гимн лица, умело переделанный из полонеза Огинского.

По завершении песнопения Проктер с Татьяной привычно сделали тодес, Валентина – ползунок, Тимофеич – ковырялочку, Прокопчиков – арабеск, а кладовщица Антонина Велюровна зашла в футвоке нижнего брейка, предварительно лихо оттарабанив повермув. Одновременно Кофейня на голове Аристотеля зажигательно исполнил тверк.

После чего пирамида моментально распалась на составляющие, и все с облегчением стали расходиться (а кто и расползаться) по своим рабочим местам.

– Господа! И не забываем: за час до эстафеты у нас сегодня еще предваряющая «мадерация»! – произнес вслед удаляющимся сотрудникам директор лица.

Глава 5

10.25

Так и не дождавшись Савелия у подъезда, Люлипупенко забрался под грибок. Там еще никого не было. Оно и понятно: воскресенье. Дрыхнут товарищи. Но не прошло и пяти минут в дверях подъезда возник Музян:

– Бессоница проклятая.

Старый «капельмейстер» вышел в надежде составить компанию остальным. Но обнаружил только Арнольда.

В течение десяти-пятнадцати минут к песочнице подтянулись Витек-Гагулек, Вадик Дулепистый и Шуран Кисельков.

Пенсионер Евсеич также посетил своей персоной утренний сбор.

– Что-то не видел я сегодня нашего общего друга, поди, заболел, – горестно зевнул Музян, имея в виду Бодуненца.

– Может быть, по случаю воскресенья отдыхает? – проронил Вадик.

В отсутствие главного спонсора душевный разговор в компании явно не клеился.

– Мне сегодня очень-очень печень надо раскатать, – в стихотворной форме пожаловался Шура. – Для эстафеты.

– Так и мне то же самое, – откликнулся Вадик. – Почему я здесь, а не в супружеском ложе.

Витек-Гагулек важно изрек:

– А я, ребята, жду: Саня Водник машину за мной должен прислать. Не забыли? Первый день, как работаю финансовым директором у него. Хотя сегодня по трудовому кодексу и выходной, но дело предстоит, как вы уже отметили, ответственное – эстафета. Кстати, камрады, относительно нее. Мы с Саньком – спонсоры. Поэтому к четверем прошу на ликеро-водочный завод. Компенсируете утренний голод. Уж я вас уважу!

Идея безусловно понравилась всем.

– Мы и так по старинке в числе болельщиков, – пошевелил бровями Молик.

– Одно другому не помешает, – мудро заметил Арнольд. – А пока будем ждать. Авось, что-нибудь да обломится.

Друзья стали пристально всматриваться в происходящее и проходящее по двору.

Вот прошлепал Лева в сторону автобусной остановки и опять в бахилах.

– Эсхил – фанат бахил, – озорно крикнул вдогонку Люлипупенко.

– А мне кажется, он это делает умышленно: использует вместо галош, – заметил Шуран. – Смотрите, сколько невысохших луж.

– Малярчука никто не смякивал? – задал наводящий вопрос Арнольд. – Сегодня в тамбуре ночевал, на теннисном столе уже холодно. Поэтому проснулся поздно.

– Видел: в девять нарисовался. – ответил Евсеич. – Я Джеки выгуливал. Спрашиваю: «Куда засеменял в такую рань?»

– В строительный гипермаркет за инструментом. Жена отпустила. За флейчиком. Надоть батарею в кухне докрасить.

– Он же в одиннадцать открывается.

– Пока доедешь, пока дойдешь. Того и гляди, всё расхватают.

– Правильно! Ночевать ему надо было там, – прогундосил Музян. – Чай, мы с Всевой не юнцы галопом бегать.

Пацаны продолжили наблюдение за двором.

К мусорному контейнеру крался Гунар, опасливо озираясь. Волок мешок с обрезью. Там его уже с вечера ждали какие-то мутные типы.

Зашевелилась крышка колодца. Из отверстия показалась кепка слесаря Мавлюгаева.

- Который час?
- Одиннадцатый.
- Вечера?
- Утра!
- А день?
- Воскресенье.
- А год?
- Восьмой.
- Девятьсот?
- Нет, восемьсот!.. До нашей эры.
- Тогда, еще посплю, пожалуй, – широко зевнул слесарь. – По машинам! Меня не сдавать. И он скрылся в зеве канализации, задраив люк.

Тут же объявился Самвел Маисович, старший по дому, с двумя новенькими вентилями в бойлерную и в поисках Мавлюгаева:

- Моего, х-значит, архаровца не видели?
- Нет, – дружно ответили хлопцы.

Возник Никеш с портфелем, из которого торчал березовый веник – опять намылился в баню.

Из пятого подъезда нарисовался заспанный Саша Квартет: заночевал у дяди. Махнул рукой: «Не до вас, братва» и скрылся в тонированном «мерсе».

Выскочили Климуки – выбивать ковер.

Мимо озабоченно промаршировал с неизменной папочкой Гурген.

– «Товарищ Брагин всегда на посту», – процитировал Арнольда Кисельков.

Ребята тормознули его:

– Гургеныч, что там со змеюкой? Как идет расследование?

Участковый отчитался:

– Если вы имеете в виду «сбежавшую» из зоопарка кобру, то нашли!

– Нашли?? И где?!

– На плече у слесаря Мавлюгаева. Перепутал со шлангом. Связал сначала в бухту, а потом стал откачивать через нее воду из коллектора. Прокачал кубометра три сточных вод.

– О! Этот любого заставит! Особенно, когда не в духе.

Во двор на всех парах вырулила «Скорая помощь». К шестому подъезду.

– К пенсионерке из 186-й квартиры, – догадался Арнольд. – Постоянно кризы, особенно, в кризис.

Артемка с отцом отправились в парк.

Фройлен Марина заторопилась в аптеку за микстурой для приболевшего Костика.

Издалека Софрокина послала пацанам воздушный поцелуй, направляясь в редакцию.

– Как самок-чувствие? – уважительно крикнул корреспонденту Люлипупенко.

Поманили ее. Та ребром ладони по горлу:

– Харэ, завязала. С прошлого раза. Чуть из редакции не выперли.

А у нее, видишь ли, почти тридцатилетний стаж.

В «Скорую» загрузили носилки с Гундюком, его женой и, как ни странно, женой Бату-мыча, Маришей.

– Видать, отравились последним изобретением – мездровой настойкой, – предположил Музын. – Или «табуретовки» перепили.

Внимание «посонов» привлек ярко раскрашенный автобус с надписями на английском, который заехал прямо во двор.

Из него выкатилась толстая афроамериканка в стильных очках. При виде завсегдатаев песочницы ее лицо расплылось в широчайшей улыбке, и она направилась прямо к ним. Дама заголосила:

– Братьяа Пермьяки? Ис'н тит?

– «Братва, грудь не маловата?» – дословно перевел полиглот Кисельков. – Расстроилась, требует сочувствия.

Люлипупенко придирчиво осмотрел гостью:

– Не комплексуй зело. Дыни в норме.

– А мне сдается у нее всё-таки есть проблемы с силиконом, – вставил слово Музын, настырно тыкая в бюст незнакомки пальцем.

Дама в ответ замахала флажками двух стран:

– Пис. Пис. Фридом (*Мир. Мир. Свобода – англ.*).

– Там. За углом, – понимающе кивнул Люлипупенко. – Кусты, – и указал рукой направление.

– Картошечку «фри» ей подавай, – пробурчал Кисельков.

– «Домашнего приготовления», – дополнил Дулепистый. – Привыкли там, в Америке, к роскоши!

– А что ты хочешь? У них в квартире в каждом углу по телеку, в том числе и в тубзике, – со знанием дела усмехнулся Музын.

Американка в знак благодарности сунула в руку Люли один из флажков, а Вадику прикрепила нагрудный значок с какими-то черно-белыми запятыми и бодро последовала в указанном направлении...

Кремов выскочил из «Ламборджини» после пати:

– Ребята, все на митинг сегодня. В 15.00. На Сентябке.

– Ага, чтоб было как позавчера? – съязвил Витек-Гагулек.

Витек и Люлипупенко явственно представили пятничное мероприятие...

В кои-то веки Трифон Гжечкин и Ромуальд Кремов решили провести совместную акцию протеста против тридцать первого октября.

Соперники по политическому Олимпу дружно подали в мэрию заявку на Сентябрьскую площадь. Но разрешили лишь семидесяти сторонникам Гжечкина. Кремову же, как более эпатажному, вспомните хотя бы субботник («Деды в индиго», стр. 54.) отказали наотрез.

«Вы опять отпиаритесь в прямом эфире до физических травм и инвалидности!» – таково было мнение чиновников.

Видя подобную дискриминацию, Кремов в своем блоге обозвал Гжечкина «отпетой рожей».

Гжечкин очень обиделся на слово «отпетый».

– Я еще живой и живее некоторых... Хотя бы «пропитой» и то звучало бы правдивей! – сокрушался Гжечкин, празднуя победу.

Но, не обращая внимания на злобные выпады конкурента, решил бросить «недоглоданную кость» – отправил Ромуальду факс: так, мол, и так, можем снизойти до понимания ваших проблем – позволить вам поработать на нашем мероприятии в качестве разносчиков колы и пиццы. Приглашение на двадцать человек. Ни больше ни меньше.

Кремыч был взбешен:

– Шестеркой у Трифона – никогда! Соберемся индивидуально, не взирая на запреты. Денег на предстоящие штрафы с лихвой выьем у спонсоров...

В означенный день на трибуне у Политехнического университета состоялся санкционированный митинг партии «Всенародная воля». «Народная совесть» же со своими активистами локализовалась на противоположной стороне, на ступеньках «Дуби-банка».

Сторонников Кремова, благодаря посулам бесплатной раздачи мохито во время мероприятия, собралось значительно больше: почти вся команда Люлипенко (кроме Мальярчука и Киселькова), пацаны с соседних дворов, работники фирм-однодневок. Перетаптывались девушки с шеста. С плакатом «Чубайс – не айс!» к акции присоединились левые.

На разогрев публики в начале митинга Гжечкин пригласил остатки «Битлов» с «Бони-М» + Брекоткина, а Кремов, чтобы не ударить в грязь лицом, рэпера Питбуля с Мадонной, Алекса Спарроу и Ольгу Бузову с подпевкой из ток-шоу «Дом-2»...

– Вот!.. Вот! – торжествовал Рома, обводя рукой ряды зевак. – Это вам не дежурное событие. Смотрите, какая всенародная поддержка!!

Но не успели кремовцы толком развернуть транспаранты, как рядом объявился начальник милицейского участка.

– Здесь мьютинговать запрещено! – вежливо одернул за шиворот полковник пресс-секретаря Кремова.

Тот слегка удержался на руке, болтая ногами.

– Почему? – задал резонный вопрос депутат.

– Вы че? Не понимаете, оболтусы, что сегодня весь наш народ славно и многочисленно отмечает Хэллоуин? – мрачно сверкнул глазами полковник Мубриков, почесав для убедительности небритую синюю щеку.

– Настоящий «оборотень в погонах», – подумал про себя Дулепистый.

– Хэллоуин – это, конечно, культовый праздник, но мы к нему присоединимся позднее, – попытался сгладить назревающий конфликт интересов Арнольд.

После третьего безуспешного предупреждения омоновцы бережно взяли за выступающие части Кремова и его друзей, отнесли и бросили к пыльным замшевым туфлям Трифона Гжечкина.

– Забирайте ваше барахло!

Гжечкин обиделся на слово «забирайте».

Кремов обиделся на слово «ваше».

«Партия "Народная совесть" валялась в ногах у Трифона», – так интерпретировали этот эпизод на новостных сайтах рунета.

Очистив одежду от осенней грязи, соратники Кремова вознамерились продолжить мероприятие у «Дуби-банка».

Но, надо отдать должное: правоохранительные органы оставались начеку. Они стали оттеснять сторонников «Народной совести» от крыльца здания к ограждениям и водворять их в спецмашину.

Ромуальда сначала было хотели загрести вместе со всеми, но полковник Мубриков командовал:

– Не туда, лейтенарь, [censored].

Вообще слово в квадратных скобках звучало в тот день из уст милиционеров многожды.

Кремова, между тем, аккуратно положили на переднее сиденье «Ягуара».

Но не таков депутат Прикамской Думы, чтобы мирно отлеживаться рядом с шестиступенчатой коробкой-автоматом.

Кремов выполз через потолочный люк авто и, создав классическую «свинью» из остатков своих единомышленников, сломал ограждение. Далее протестующие выскочили на шоссе Энтузиастов и пошли по встречке.

Машины трусили по тротуарам. Пешеходы, выжатые с тротуаров, увеличивали ряды «нарсовов». И тут демонстрантам снова учинили препятствие: два мощных «КамАЗа» встали поперек дороги. Что делать?! Как прорваться вперед?

Юная активистка в парео воскликнула:

– Человеки, я знаю тропинку между гаражами! Хожу курить туда на переменах в школе.

Все ринулись за ней.

Растерявшиеся омоновцы бросились дворами догонять кремовцев и перегородилим путь буквально в двух шагах от мэрии.

Репортаж с места события Татьяны Софрокиной:

– Мы ведем прямую трансля... Извините, помидор просвистел мимо... Еще раз мимо... Мимо меня, но не нашего обожаемого редактора Кондрата Мельягина!.. Да ты утись, утись... Извините, это я не вам, дорогие телезрители, а нашему звукооператору Федору Комелькову... А то прям в кадре своей красной от томатного сока рожей мельтешишь!.. Вот, наконец, появился и наш всеми любимый редактор Кондрат Мельягин, размазывая на ходу куриные желтки по щекам. Не расстраивайся, Коня, это очень, очень полезно для кожи!.. Вообще нашей профессиональной команде в этот раз с избытком досталось «яичным шампунем»!

– Архивируйте всех! – милостиво разрешил запыхавшийся полковник Мубриков, увертываясь от града ово-овощей.

Действовали его подчиненные жестко и решительно: замели и кремовцев, и зевак, и водителей, припарковавшихся недалеко от мэрии авто.

Татьяна в очередной раз приникла к микрофону:

– Продолжаю репортаж из автозака, куда меня по привычке забросили с тремя десятками сторонников и посторонников. На кадрах рядом со мной видно людей в дынях с прорезями, которые явно направлялись на празднование Хэллоуина. Как вам здесь, ребята?

– Страшно! По-настоящему, страшно!

– Сорвали мероприятие! – негодовал Кремов из-под лавки, куда его затоптали в давке.

Но как рядом оказался Трифон Гжечкин?! Причем бок о бок с Ромиком? Нонсенс! Вероятно, его ошибочно приняли за оппозиционера. А возможно, он так увлекся преследованием, что не заметил, как очутился в стане своих противников. При этом в руках у Гжечкина оказался недоеденный кем-то арбуз, которым он пытался закормить до смерти сопротивляющегося Кремова...

Депутат повторил:

– Ребята, жду на митинге. Санкционирован мэрией после моего обращения в Совет Европы.

– Боюсь, не успею, – откликнулся Кисельков. – У нас в четыре часа забег на городской эстафете.

– И не только у тебя! – оживились остальные...

Пока американка шлындала по кустам, из кабины автобуса вышел водитель – перекурить. Вид у него был взъерошенный, глаза красные:

– Представляете, мужики, что с нами приключилось! Сам я из Москвы, водитель. Пригласили нашу делегацию на международную конференцию по правам человека «Пилорама». Начало в три в Культурно-деловом центре. Губернатор там, министр культуры, словом, вся знать. Позавчера поздно вечером приехали, а конференция вчера была. Но без нас: не успели! А почему? Спросили тут одного:

– Где в вашем городе улица Садовая? Знаешь?

– Седова? Я? Я-то, конечно, знаю. А зачем она вам?

– Гостиница «Рэдиссон-Славянская» там.

– «Редисон», то бишь «Редиска»? Славяна? Лосева? Там! Славка-хозяин, мой кореш! – гордо стукнул себя в грудь местный. – Хостел или хоспис, хош – спишь, хош – не спишь. Короче, три квартала прямо и у светофора вниз налево...

Приехали по указанному адресу. А уже ночь. Спрашиваем: «Отель? Пять звездочек? Йес?»

– Откель? А-а-а. Есть, всё есть! – подмигнула слегка трезвая администраторша, доставая пятизвездочный коньяк. – За отдельную плату!

Расселили в номерах купейного типа. Номер на восемь, восемь! коек. Четыре яруса. Вперемешку. Мужчины, женщины. Вот такой отель-коктейль, такие пять звездочек... Утром чуть свет (с клопами особо не напишь) бросаюсь к автобусу – оставил рядом, у какого-то покосившегося гаража. Черт возьми! Спустили шины! Оказалось, подпер хозяина. Тот из-за этого, видимо, опоздал на работу и отомстил...

Водитель хотел было еще что-то сказать, но в эту минуту из-за дома, очевидное, из кустов появилась толстая афроамериканка. Вся голова и одежда ее оказалась усеяна засохшими репьями.

– Йог-Макар-йог! – завопила она. – Дисгастинг!! (*Отвратительно – англ.*)

– Дискотеку просит, – уверенно пояснил Люлипупенко.

– А потом на кастинг, – вставил слово Дулепистый.

– Явно не в духе. Не понравились наши «удобства во дворе»! – посочувствовал Витек-Гагулек.

– Хелп ми бэдли! (*Помогите, мне плохо – англ.*) – снова заверещала бэбэна.

– Помогите же мне, быдляки, – дословно перевел уникам Кисельков.

– И это вместо «спасибо»!

– Хи дас индид, Мона. Зис ис э мистэйк (*Действительно, Мона, это ошибка – англ.*), – высунул голову в окно автобуса седовласый джентльмен в очках.

– Спрашивает: «Можно, он даст индейку, а еще лучше стейк», – перевел Шуран. – Если загрузим ее обратно. Благодарный и благородный тип!

– Не «можно», а «Моня», Моня – это имя американки, типа нашей Маньки, также кошку у Батумыча кличут, – менторским тоном уточнил перевод фразы второй дворовый вундеркинд Люлипупенко. – Давай, Моняша, подсобим.

Ребята дружно затолкали женщину обратно в автобус и стали ждать обещанного подарка.

Но автобус резко тронулся с места и скрылся из глаз. Вот и верь после этого иностранцам!

– С этой бы делегацией лорда³ на родину отправить, – вздохнул Арнольд. – Давно его никто не видел? Поди, уж того?!

Музян обозлился:

– Был недавно в ритейловском маге. Смотрю: наш лорд при кассе околачивается. На выходе. В форме охранника. Обыскивает покупателей. Металлоискателем. Причем достаточно успешно. Идет шикарно одетый мужичок, взял минералки. Без газа. Лорд живенько к нему. Ручонками подрыгал. Хоп, и вытащил бутылку французского коньяка из-за пазухи. Покупатель весь красный. Достал портмоне и отстегнул без сдачи. Скандалы ему не нужны. Наверняка, чиновник или из правящей партии. Да таких там много. За день столько разведешь, ой-ей-ей! Выручка магазина утроилась. Понаблюдал я за этим безобразием... подхожу так вежливенько к лорду и на чистом английском: «Ви до сих пор не кам обратно, в Лондон?» Только я про это заикнулся, и раз! у меня изо рта яйца полезли! Александровской птицефабрики. По сотке за десятку! Стоило слово – яйцо тут как тут. На тыщу меня развел, сквалыга! Домой пришел. Там Лолита, дочь. Спрашивает: «Ты что тут инкубатор решил завести, птенцов выращивать?!» Что ей ответишь?

...Арнольд почесал за ухом:

– Ребята, свежий анекдот: великан поймал лилипутов, затолкал их в пещеру, расставил вдоль стенки и приказал: «На первое, второе рассчитайсь!» Или еще: «Мы с тобой одной крови, ты и я», – сказал Маугли и раздавил давно впившегося в шею комара.

³ «Деда в индиго», стр. 125.

– Захожу в трестовскую столовую, – продолжил тему Вадик. – Тоже сплошной анекдот! Взял в качестве первого солянку. Спрашиваю у раздатчицы: «А почему в ней женские волосы плавают?»

– Читать умеете?! В меню черным по белому написано: «Солянка по-домашнему».

– Ты, Риня, даве ляпнул, что опять в тамбуре ночевал? – дернул за рукав свитера Арнольда Музян. – А не лучше ли тебе найти съемную квартирку? Смотри, вон, на гараже, написано белой краской: «Сдам жилье. Недорого». Рядом номер мобильника...

– Еще бы за такую жильёзяку хозяин запросил по первому разряду! – засопел Люлипу-пенко.

Арнольд посмотрел на Евсеича.

– Ты недавно хвастался своим отпрыском. У тебя где сын работает?

– Кочкодавом.

– Качков-давом? В секретном подразделении спецназа ГРУ? – в глазах братвы застыло уважение, переходящее в трепет.

– Да нет, «коч-ко-да-вом» – геологом, по болотам ползает, нефть ищет... В тему, а твой двоюродник?

– Падаваном.

– Понятно: в кафе-баре закуски подает.

– Не, сантехником, ванны устанавливает. Всё время под ними ползает.

– А мой племяш – опекун.

– Ухаживает за немощными? Альтернативщик? Или на хлебокомбинате? Батоны подрумянивает?

– Если по правде, то в ОПЕК топ-менеджером подвизается. Цены на нефть роняет...

– Тогда у тебя, Арнольд, жена – специалист по ненормативной лексике!

– ?? Я при ней не выражаюсь!

– Сто-МАТ-олог.

Тем временем из подъезда сорок пятого дома вынырнул Рауль. Детектив поманил пальцем Евсеича, а потом и Киселькова:

– Александр, ты нам очень нужен...

Главного спонсора Бодуненца всё не было. Стало совсем тоскливо.

– Его вчера куда-то на «волжанке» увезли, – силясь, вспомнил Люлипу-пенко, – а вот чтобы обратно? Не видел!

– Поди, в очередную командировку сбагрили, за циркулями, – предположил Витек-Гагулек. – Тогда в ближайшие дни ждать не приходится.

Рядом с песочницей размещался сваренный из железа миниатюрный грузовик, в кабине которого свободно могли разместиться два мальчика детсадовского возраста. Этот грузовик был изготовлен по заказу Самвела Маисовича и имел двойное назначение: для детей и «Детей». Вот и сегодня с раннего утра в нем кантовался товарищ из первого подъезда. После четвертого посещения «Банки» (лечпрофилакторий «Банная Гора» для алкашей) врачи диагностировали: деменция.

Подвигнуть Самвела на данное решение заставило собрание жильцов дома.

– Надоела нестабильность газа! – возмущался Евсеич, основной производитель самогона на Средней Ямской, который первым заметил неладное: газ то вспыхивал, то угасал.

Причину определили достаточно быстро – Колесников, пенсионер, бывший шофер строительного треста.

Все, однако, называли его Харитоныч – из-за красного цвета лица («*хари тон*», прим. автора).

Именно он повадился крутить газовые вентили на стенах сорок пятого и сорок седьмого домов. Они напоминали ему баранку.

Ограничили доступ к вентилям, зачистил в бойлерную – начались перебои с теплом и горячей водой.

Тогда старший по дому Самвел Маисович и принял мудрое решение: сварить из старого железа макет самосвала и разместить на детской площадке. Восторгам ребятни не было конца. Но не только им. А и всем жильцам домов, кроме, естественно, Люлипупенки с компанией.

– Поберегись! – высунул лохматую голову в кепке из кабинки Харитоныч и включил карманный фонарик. – Сдаю назад.

Пацаны послушно переместились на противоположную сторону грибка.

– От винта! – крикнул водила и зарычал, подражая реву двигателя «ЗИЛа».

Минут через семь Харитоныч опять показался в проеме окна железной кабины с уже набившим оскомину «поберегись».

– Че сачкуете, лентюки? А ну, живо разгружайте!

Братва послушно достала кирпичи из кузова.

Через час.

– Грузи песок, мне задание выписали на второй объект.

Пришлось из песочницы оставленными детскими совочками накидать кучу песка в кузов.

И так этот спектакль продолжался обычно до обеда, пока незадачливого водилу не вытаскивали за шкуру из кабины разгневанные родительницы...

Через полчаса Харитоныч, прикорнувший за рулем, снова ожил:

– У меня наряд на вывоз мусора. Собирайте быстрее и в кузов!

Умаял, паяц, дальше некуда!

...К песочнице приблизился какой-то мятый тип.

По виду цыган.

Он вкрадчиво спросил:

– Мужики, трансфлюкатор нужен? Новый с гарантией. Паспорт, чехол, зарядка – всё в комплекте.

– И так уже два, – отмахнулся Арнольд.

– Тогда жене возьми или детям, – настаивал тип.

– Что за девайс? – потянул Арнольда за рукав Дулепистый.

– Кто бы знал, – ухмыльнулся Люлипупенко.

– Раньше цыгане только надувных кобыл продавали, а сейчас, значит, за высокие технологии принялись! – смекнул Кисельков.

Глава 6. Очень краткое содержание первой книги саги «Деды в индиго»

Скромный преподаватель геометрии профлищея Савелий Бодуненц встречает по дороге на работу незнакомку (Оксану) и тут же влюбляется в нее. Неожиданно в лицее выясняется, что носки, которые носит Бодуненц, обладают поистине уникальными лечебными свойствами. Бодуненц подписывает всевозможные контракты, но самое заманчивое предложение он получает от майора Чугаркина: лететь с Оксаной на спецзадание в логово сомалийских пиратов с целью их последующей ликвидации.

Глава 7

10.05

Моахинди всматривался в экран видеорадара, когда-то по случаю купленный у российских гаишников. Из-за мыса показался японский танкер «Арт Сиа».

– Так-с, двухкратное превышение скорости! – вскричал он. – Упс! («Свистать всех наверх» – сомал., прим. автора).

Африканская братва мигом взгромозилась на скоростной глиссер, замаскированный под дряхлый рыболовецкий баркас. Не всем хватило места на нем, поэтому часть команды загрузилась в резиновую лодку, часть – в легкомоторный катер...

Внезапно в небе прямо над пиратской флотилией появился воздушный шар.

– Это что еще за гаджет? – воздел руки предводитель. – Немедленно уничтожить!

Один из его подчиненных расчехлил переносной зенитный комплекс, прицелился и через минуту выпустил «Стингер» в направлении летящего объекта.

Ракетный снаряд угодил прямо в горелку, подогревавшую воздух в баллоне.

При взрыве из корзины шара выпали какие-то тряпки.

– Подобрать добычу! – скомандовал главарь...

* * *

Через два часа после неудачной операции пираты уныло возвращались на базу. Многих своих они недосчитались: выпавшая из кармана галифе банка с грибами для тещи сделала свое дело – половина банды всплыла кверху брюхом, некоторую часть схавали акулы.

Единственным утешением были нападавшие, вернее, нападавшие русские, захваченные живьем. Возможно, их удастся продать на невольничьих африканских рынках или получить выкуп с родственников.

– Через час пленных ко мне! – пропищал главный корсар. – На допрос...

Прикройся! – брезгливо, по-французски, скосил он взгляд на Савелия.

Бодуненц, на котором в результате частичной встречи с флагштоком из одежды остались только пиджак, сорочка, галстук, носки и туфли, не на шутку смутился. Он натянул пиджак на самые колени и передвигался исключительно на корточках. Со временем Савелий догадался, как сделать набедренную повязку из галстука: спустил его ниже пупка, повернул на сто восемьдесят градусов так, чтобы узел плотно прилегал к задним полушариям, широкий конец пропустил между ног и заправил его за поясную петлю. А ничего получилось! Как у Тарзана на корпоративе! Во время манипуляций с галстуком Савелий наконец-то понял, что за фигня висела на флагштоке: «естественные потери в бою», как выразился бы майор Чугаркин. Черт с ней! И без нее можно прожить. Особенно, в плену!

Сообщники главаря набросили Бодуненцу мешок на голову, минут пятнадцать волокли куда-то, а потом бросили в яму, выдолбленную в каменистой почве. Сверху яма была прикрыта решеткой из стальных прутьев. Короче, зиндан. В нем было достаточно прохладно, и даже отсутствовала какая-либо лежанка.

Савелий подумал: «Хорошо, что успел недавно потренироваться».

...В четверг Савелию можно было выспаться вдоволь: в лицей лишь к двенадцати дня.

– У меня по плану стирка, – отрезала Нина, у которой в ее НИИ это мудро называлось «библиотечный день». – Снимай пододеяльник!

– Дай вздремнуть чуток! – взмолился Савелий.

– Потом! – была непреклонна жена.

И не успел Бодуненц опомниться, как она вытащила из-под него простынь. При этом Савелий перевернулся и упал с дивана на пол. Но спать очень хотелось. И Савелий продолжил сон. Очнулся он от гула стиральной машины лежащим на полу без подушки и одеяла. Тело ныло.

«Стоит, наверное записаться в секцию йогов, – размышлял геометр, – чтобы спокойно спать на неструганных досках».

И вот сейчас, на дне ямы, где его закаленный в семейно-бытовых условиях организм активно сопротивлялся холоду, он вспомнил этот недавний эпизод с особым теплом.

Приподнялась решетка, и сверху забросили три охапки какого-то текстиля. При ближайшем рассмотрении – мужские носки.

«Благородно, – удивился Бодуненц, – но необычно. Куда их столько? Солить что ли?». И пленник опять мысленно возвратился в свою городскую квартиру, где те же носки обнаруживались даже в закатанных банках с компотом.

Происходило это периодически, вследствие неосторожного обращения. Обычно носки висели после стирки в кухне на веревке над газовой плитой и периодически падали на пол, на стол или конфорки. Случайно их находили сваренными в супе или в мясе, потушенном вместе с носками. И даже перестали обращать внимание на такие мелочи. Часто супруга использовала носки вместо прихватки и забывала их на сковороде. Савелий вспомнил также, что гости периодически выуживали его носки из заливного или растягая с рыбой. Дошло до того, что Нина за неимением виноградного листа делала долму в носках мужа. Пахло аппетитно! А в прошлом году сослуживцы супруги выловили их из трехлитровой банки с рыжиками. Поняли лишь, когда съели – замучила изжога.

Тогда еще никто не догадывался об их чудодейственности. Хотя... что-то с друзьями супруги этакое произошло: исчезли бесследно!..

«А впрочем, понятно, почему подбросили именно носки, – догадался Савелий. – В Восточной Африке, наверное, период засухи, всё выгорело, и клочка простой травы не раздобудешь, а этого снятого с членов экипажей и пассажиров морских судов добра пруд пруди».

Вновь откинулась решетка, и на охапки носков сверху упала Оксана.

– С тобой всё в порядке? – участливо спросил Бодуненц, определяя пульс пленницы.

– Пока да, – ответила девушка. – Но попали, так попали! Что на меня вчера нашло? Чем опоили? Вообще полный провал в памяти!

Их дальнейшем разговору помешал повторный скрежет сверху, свет фонаря и веревка со стальным крюком на конце, которую опустили в яму.

Пираты, показавшиеся в проеме, поманили Бодуненца руками и непонятными словами, тем не менее геометр догадался, что его вызывают на допрос. Одного. Очередь Оксаны, стало быть, дойдет позже.

Савелий встал одной ногой на крюк, а руками зацепился за веревку, и его сразу вытянули наружу. Опять набросили на голову мешок и куда-то повели.

Через несколько минут Бодуненц очутился в комнате, где в центре на коврах и подушках восседал главарь.

Пленника бросили рядом.

– Откуда и зачем? – грозно спросил пират-ага тонким голосом на прованском диалекте.

Джером Монго, главарь пиратов, сначала и не узнал Бодуненца.

Зато Савелий сразу идентифицировал Джерома⁴.

– Не ты ли у нас снег убирал с проезжей части? – забрюзжал Бодуненц таким же фальцетом, но на русском языке.

⁴ «Деды в индиго», стр. 293.

– Ты чего дразнишься? – подскочил на подушках Монго. – Винокура из себя возомнил?!
В интермедии «Гарем»?!

– Нет, просто так получается.

– Тише ты! – зашипел главарь и стал опасливо озираться по сторонам, не понял ли кто русскую речь.

Убедившись, что остальные пираты пока никак не реагируют на важную информацию, он больно стукнул Савелия по голове колотушкой из скорлупы кокосового ореха.

– Будет шишка, – решил Савелий, очнувшись через час.

– А это ты, африканский недоучка? – взялся он за свое.

– И не одна, – сделал пленник вывод после повторных ударов и еще двух часов лежки.

«Зверь! Настоящий зверь!» – затряслись от страха остальные пираты.

Пока Савелий находился в отключке, он сравнивал свой прежний голос с настоящим. Сравнение было явно не в пользу последнего. То ли дело у сына семиклассника! У Казимира недавно произошла пубертатная мутация и тонюсенький голосок поменялся на бас-профундо...

Звонок в дверь:

– Квартира Бодунцов? Откройте, избирательная комиссия.

Младший Бодуненц пошутил баском:

– Косой, тут какие-то фраерки нарисовались. Тарань перья, пощекочем им подмышки.

Выборщики с урной бросились врассыпную, оставив ворох недооформленных бюллетеней. Вот почему результаты выборов оказались вне правового поля. А сказали: «Подтасовки!»

В другой раз соседка по лестничной клетке устроила пышный девичник по случаю успешного окончания педколледжа. Девицы, облившись и обпившись шампанским, ухахатывались на ступеньках. До двух часов ночи. Вызывать милицию? Как-то стремно. Казимир, которому было к восьми в школу, выскочил в тамбур и из-за закрытой двери рывкнул:

– Косой, где моя волына, надо помызгать местных шалав!

Девицы подавились шампанским. Тишина стояла... Во всем подъезде. Неделю-две...

Между прочим, во дворе на Средней Ямской все считали, что Джером Монго из Нигерии. А вот и нет: пират учился в Перми в медицинском по поддельным документам. На уролога. При этом помогал с экспериментами одному препу-ботанику с сельхозакадемии доделывать докторскую диссертацию по теме «Выращивание кукурузы на скалах в пустыне – кардинальное решение проблемы голода в Африке». Направление было протоптано еще в шестидесятые годы прошлого тысячелетия во время победоносного шествия злака по стране.

Но после того, как Монго проигрался в рулетку в казино, он устроился дворником в ЖЭУ. Временно. Пока деньги с Африки не дойдут.

Джерому было, за что недолюбливать пермяков.

Главарь корсаров с обидой вспоминал, как ему доставалось на орехи и по учебным дисциплинам в вузе и просто от жителей города. Так, Самвел Маисович постоянно называл его Мариной, путая со своей женой.

А гибэдэдэшники?!

Монго ехал летом за рулем в темных очках – тормознули. Выписали штраф – за тонировку лобового стекла, а потом и боковых!..

Очнувшись, Савелий опять попытался разрядить обстановку:

– Мне, команданте Манго, не совсем понятен ваш наезд.

– Я те припомню, окунь краснопузый, как твоя жена заставила меня, потомственного вождя! в тридцатиградусный мороз снег с моими друзьями «носом рыть» (тротуарный лед отдалбливать)! Прыгали от холода выше макушки. А я еще ломом ногу припечатал. Правда, не себе. Директору жилищно-коммунального управления! До сих пор хромаю. На голову. Отметлил он тогда меня знатно, моей же метлой. До сих пор шум в ушах.

– Я тогда посчитал, что вы к КВНу готовились.

– Ага, в такой-то колотун? Думай иногда, что говоришь! Давай, выкладывай, кто навел? – нахмурил губы Монго, ковыряясь зубочисткой в носу – лучший корабль нашей флотилии изничтожил, сомец⁵!

Отпираться смысла не было и Бодуненц, да простит его генерал, рассказал всё как на духу, тем более что его ноги щекотали языки жаркого пламени.

– Не скажу, чтобы поверил тебе, но умеют, умеют ваши спецы складывать легенды...

– Нечего с ним цацкаться! – распалились дружки, подкладывая хворост в огонь под пятками Савелия. – И так всех переломал переключателем с мачты!

– А как ты дискредитировал наше флагманское судно своими розовыми трусами?! Теперь стыдно смотреть в глаза честным людям! – добавил Моахинди.

– Тащи его к крокам (*крокодилам, прим. автора*), – небрежно бросил главарь.

– Давно кормили? – обернулся он к телохранителям.

– «Вискасом». Часа два назад.

– Они ж замяукают с такой еды. Дайте им свежатинку. Российское мясо пока еще котится на мировых рынках. Без излишнего бешенства.

– Я тоже люблю белое мясо! – пискнул один из поделщиков.

– А я белых женщин! – радостно отозвался другой.

– Манжом всех, – загутарили остальные.

– Съедем обоих с удовольствием, – растянув улыбку, пояснил переводчик Савелию, глотая слюну.

– Джерри, можно один вопрос? Перед поеданием пленников! – поднял вверх руку корсар грузной комплекции.

– Валяй! – великодушно разрешил Монго.

– Я его сорочку и галстук возьму? Детишкам сгодится.

– А я, майку и пиджак? А то кроки, не ровен час, подавятся.

– Берите, – великодушно разрешил Монго своим дружкам.

Освобожденный от остатков одежды Савелий пошевелил слегка поджаренными пальцами ног. Ого, как запеклись за время пыток!

Пираты зашмыгали носами.

– Мбу-мба! – воскликнул один из них. – Че то запах до боли знакомый, Джерлопан, не чувствуешь?

– Кто тут афродизиаками балуется? Ведь сказали: на работе ни-ни!

– А че все сразу на меня? – оскалился здоровый пират, пряча трофей.

– Не знаю, как ты, Джером, а я, пожалуй, пойду к женам в гарем, давно не навещал, – неожиданно засобирался старый скрюченный сомец.

– А я в соседнюю деревню к невестам, – клацнул зубами юный.

В это время главарю позвонили. Кто-то важный. Потому что Монго охладил возбужденных соратников направленным дулом автомата.

– Понял. Йес! О'кей!

– Братва! Товарищеский ужин отменяется! Таков приказ сверху, а приказы не обсуждаются! – дал очередь поверх голов Джером. – Сегодня пленники перекантуются ночь в зиндане, а завтра отвезем их на базу.

Савелия снова отвели под руки в «каменный мешок».

Голова раскалывалась от боли...

После допроса на Савелии из одежды остались только собственные волосы. А в ночном зиндане остро ощущался холод. Когда Бодуненцу снова бросили охапку носков, он надел их

⁵ Вообще-то, это уважительное название сомалийских пиратов, прим. автора.

на все, на что можно надеть. Недолго думая, связал два носка узлом и обмотал вокруг себя. Концы также затянул в плотный узел. Получился кушак. В него заправил следующий носок, в который упрятал свое нехитрое имущество. В два носка засунул руки, в два – ноги, в один – голову, проковыряв отверстия для глаз – получилось типа балаклавы, а потом и полностью зарылся в куче носков.

Его примеру последовала и Оксана.

Взошла Луна. Савелий приподнял голову. При ее тусклом свете, он обратил внимание на маленький клочок бумажки, который белел на полу. Видимо, выпал из кармана пиджака. Узник подполз к нему. Что-то написано. Бодуненц разглядел на выцветшем клочке номер телефона и адрес: Москва... Дальше неразборчиво... Федот... «Федотов! Да, вот кто мог бы спасти меня из плена, если бы знал, где я!! А где он? Теперь? – тоскливо подумал Савелий. – Но нет мобилы, да и номер на бумажке затерся».

В памяти тут же всплыла поездка в столицу десятилетней давности...

В середине девяностых в лицей поступили наконец-то скудные бюджетные средства на развитие учебного процесса.

– Съезди в Москву, прикупи наглядных пособий, транспортиров, мелков! – в форме, не терпящей возражений, потребовал Кольцов.

Куда деться? Поехал. Припомнил, нехорошка, что в первый раз в конце перестройки Савелий уже ездил в столицу. Тогда с мелом совсем было туго. И задача казалась невыполнимой. Помыкавшись по магазином учебных пособий, Савелий был полон отчаянья. На полках – шаром покати. Аналогичная картина в «Культтоварах».

С горя пристроился в длинную очередь в универмаге «Москва». Не ехать же домой с пустыми руками: так хоть презент какой-нибудь привести.

В толпе никто не знал за чем стоят. Но раз есть очередь, будет и товар. Через три часа выяснилось: привезли женскую косметику. «Подарю Кольцову, скажу, для его жены, Зеландии Львовны», – подумал Савелий.

Пока стоял, познакомился с девушкой, москвичкой. Тоже математик. Общие интересы в области нелинейных уравнений. Обменялись алгоритмами решений.

Еще через три часа косметика закончилась, но выбросили женское белье. По три комплекта на брата.

«С таким презентом к Кольцову? Меня еще не так поймут!» – зачесал затылок Савелий.

Но всё оказалось гораздо хэпиэндистей. На выходе на Бодуненца набросилась толпа.

– Меняем! Меняем!! Проси, что хочешь!

– Мелки школьные достанете?

– Сколько угодно. Стой! Никуда не уходи! Ща будут! Заодно в нагрузку всучили комплект высокопрочных победитовых токарных резцов. С оборонного предприятия. Перепрофилировавшегося недавно в результате кампании конверсии на выпуск ночных горшков.

Вышел из универмага с полной сумкой мела и упаковкой резцов.

Один комплект белья всё же привез жене. Нине. Та была на седьмом небе от счастья. В условиях тотального дефицита этот подарок просто срывал крышу.

Теперь другое дело. Иностранное всех расцветок. Любого бренда. В каждой подворотне. Правда, отечественного не найдешь днем с огнем, также как в прошлые времена импортного...

В эту поездку, одновременно затоварившись по полной, Бодуненц выкроил несколько свободных минут, чтобы прогуляться в историческом центре Первопрестольной. Заглянул и на Красную площадь.

Мимо рассекал кортеж мотоциклистов и нескольких черных лимузинов.

Все участники кавалькады подозрительно посмотрели на мужика с огромным рюкзаком и двумя пузатыми чемоданами.

Мотоциклисты стали нарезать круги: «Террорист. Однозначно! Решил снести Спасскую башню».

Перед Бодуненцем резко затормозил тонированный «Джип». Слегка приспустилось боковое стекло, и чей-то испуганный голос произнес:

- Руст?
- Да, русский.
- ?.. Матиас?
- Нет, матери нет, один.

Пассажиры авто облегченно вздохнули. Из задних дверей «джипа» тут же появились здоровенные охранники, и один из них, в кевларовом бронежилете, опасливо приблизился, а потом, с трудом переведя дыхание, приказал:

– Открывай чемоданы!.. Это что за бумеранги с разметкой?! Для большей точности попадания?

– Транспортиры.

– Товарищ генерал-майор, докладываю: «Найдены "транспортёры". Для дистанционного уничтожения вероятного противника!.. А в рюкзаке?..»

– Мел.

Лизнув мелки языком и поскрипев для достоверности челюстями, качок сообщил по рации: «Говорит, что мел».

– Мел? Мел Гибсон? По частям? – раздалось из рации.

– Нет кальций цэо три, – вмешался в разговор Савелий, приблизившись к микрофону.

– Цэ О – китаец? Китайцы? Три? Трое? – снова заверещал голос из рации.

– Кальций цэ о три?.. – озадаченно потер висок детина.

– Товарищ генерал-майор, в рюкзаке обнаружено двадцать килограммов гексогена, под видом мела, – вмешался в разговор сметливый коллега первого детины.

– А в другом чемодане?

– Учебники по геометрии.

– В другом чемодане обнаружены залежи экстремистской литературы, – бойко отрапортовал первый.

– Из Аль-Каиды? – грозно спросил высший чин.

– И вовсе не из Куеды! Или вы об алкоголе и еде спрашиваете? – не расслышал вопрос Савелий. – Вот смотрите!

– Учебники, говоришь? – телохранитель напряг лоб. – Возьму, пожалуй, парочку. Своему оболтусу.

– Взял образцы спецлитературы в качестве неопровержимых улик, – отчеканил секьюрити. – Клиента можно брать?

– Берите!

Сотрудники охраны президента приготовились к захвату террориста.

Савелий встал лицом к передней иномарке.

– Бодуненц! – окрикнули из мегафона.

Савелий повернулся. Из остановившегося «Мерседеса» С-класса с распростертыми объятиями навстречу Бодуненцу направлялся таинственный генерал-майор.

– Ты?! Федотов?! Одноклассник? В таком звании? Какими судьбами?!

– Да так, сопровождаем президента. Действительно, генерал-майор. Надеюсь еще стать министром обороны. Какие мои годы!..

История головокружительной карьеры старлея Федотова началась тоже во время случайно нарисовавшейся командировки в Москву. Цель ее – согласование оборонзаказа телогрейки для стройбата.

Жена офицера, узнав о скором отъезде мужа в стольный град, была категорична:

– Знаю я тебя, красавчика! Только отпусти одного! Сразу «юбку» подхватишь. А мне вместо нее сапоги зимние надо! Я с то-б-о-о-о-й!!!

Пришлось кантоваться в белокаменной вместе. Жили в общежитии академии Фрунзе – на лето все курсанты разъехались по домам. Таких, как Федотов, там пруд пруди. Заплати таксу и обретайся хоть месяц. Пермьякам досталось место в подсобке дворника, где разместилось еще пятеро. В основном, гражданские. Из Средней Азии. Привезли бахчевые культуры. На продажу.

Старший лейтенант за пару дней справил все дела и решил прошвырнуться по магазинам. Надежда на покупку зимних сапог улетучивалась по мере продвижения к центру города: полки сияли девственной пустотой.

Военный решил для себя: «Нужно посмотреть, где очередь собралась, авось, что-нибудь да отломится».

Шел он так, шел лениво по проспекту в такой же группе зевак, смотрит: справа толпа куда-то стремительно бежит. За дефицитом! Не иначе! Поди, те же сапоги импортные выкинули?

Ноги сами понесли к большому универмагу (это он так думал! на самом деле, к «Белому дому»!).

Какой-то нервный мужчина у входа схватил Федотова за рукав:

– Господа, смотрите – кадровый военный! В форме!

– Отлично!

– Вовремя!

Дали автомат. Всю ночь простоял в карауле. К утру вернулся домой.

Жена, как обычно, хотела отходить грязной тряпкой по физии... Но не успела она сделать и пятого хлесткого удара, как ее тут же скрутили два дюжих молодца в штатском и макнули головой в ведро вместе с полотенцем, намотанным на свежевывытую с финским шампунем голову: «Поостынь немного».

– Это же мой муж, мне можно, что вы себе позволяете?!

– Нет, теперь он муж Государев в звании генерала. Лично охранял покои и покой будущего Президента страны. Так-то!..

Федотов распорядился поместить вещи Бодуненца в багажник. Что-то шепнул в приоткрывшееся окно заднего лимузина. Показалось до боли знакомое одутловатое лицо.

Одноклассник добавил:

– Ты извини, дружище! Тут не так давно прошляпили самолет одного немца-туриста, правда, до моего назначения – приземлился прямо на Большом Москворецком мосту. Потому сейчас с этим строго!

Обнимаясь на прощание, Федотов смахнул слезу:

– Будешь на вручении правительственных наград в Кремле, забегай в гости! Хотя мы, в основном, по заграницам мотаемся. Саммиты, будь они не ладны, «Большие восьмерки», «Ж-двадцать», чики-«БРИКи» или «АТЭС» (не путать с АТС), Давосины...

«Да, вот кто мог бы спасти меня из плена, если бы знал, где я! А где он теперь? – тоскливо подумал Савелий. – Но нет сотика, да и номер на бумажке затерся».

Глава 8

10.55

Рауль схватил Евсеича и Шурана за руку и потащил обоих в подъезд сорок седьмого дома. На вопросительный взгляд студента отрезал:

– Всё расскажу по дороге...

Накануне вечером Рауль, как всегда, задержался на работе. Он пил очень крепкий кофе, положив в чашку всего лишь один кубик тростникового сахара. Между пальцами левой руки детектив инстинктивно тербил записку: «Рауль, бандецов не прокарауль!» Это секретарша Дина, уходя из офиса, сделала Комарову элегантную напоминалку.

Решая сложные логические задачи, детектив периодически поглядывал на последнюю осеннюю муху, которая то сидела на стене, то летала над его головой.

– «А я все летала, но я так и знала, что сахара мало, ла-ла-ла, ла-ла-ла...» – мурлыкал он завапавший однажды в душу шлягер. Его созерцанию полета насекомого помешал ворвавшийся как ураган Евсеич. Посетитель ткнул пальцем в свою переносицу:

– Смотри сюда, Руль! Что же это творится на белом свете?

Детектив поднес лупу к указанному месту:

– Кожа нормальная, без видимых признаков повреждения и деградации. Гематом и переломов не обнаружено. Отбой!

– Вчера бутылка с самогоном сперли прямо со стола! – застонал Евсеич. – Хотел продегустировать перед отхождением ко сну. Пока бегал за стаканом, исчез, бродяга, из-под носа.

– Внук, поди?

– Женька? Не, он наотрез отказывается. Да ему еще три года. Но на всякий случай поставил в угол – для профилактики.

– Тогда внучка.

– Отпадает. Учится в Москве. Стопроцентное алиби.

– Не могла тишком приехать и...

– «И» исключено. Сейчас в Штатах по студобмену. Мусор в Миссисипи собирает. А ихние, наоборот, у нас – Данилиху чистят.

– Тогда сын.

– Э нет, он закодировался. Воду и ту с опаской пьет.

– Жена?

– Была на ночном дежурстве (подрабатывает).

– Хорошо разберемся, – тяжело вздохнул детектив. – Приду сегодня часов в одиннадцать вечера. Приготовь такой же пузырь.

– Не маловато будет? На двоих-то? Давай уж три?

– Это для дела, а не для тела, – резко обрубил инициативу Евса детектив...

Ровно в назначенное время Рауль появился в дверях квартиры Евсеича. Зашел в большую комнату. Сразу же направился к столу. Обнюхал его:

– Запах подозрительный!

Хозяин тоже осторожно раздул ноздри.

– Это пролитый давеча рассол.

– Ставь пузыри сюда, точно в центр. И еще рядом положи кошелек – для гарантии. А мы устроим засаду! – скомандовал Комаров и притаился за платяным шкафом.

Евсеич с сыном, не найдя другой достойной наблюдательной точки, стали жаться рядом. К могучему торсу детектива. От исходящего от них перегара Рауля чуть не вырвало. К тому же хозяйский котенок вцепился когтями в икроножную мышцу детектива и там застрял острым юным когтем.

Было очень больно. Комаров скрипел зубами, но звуков не издавал. Наконец, котенок отцепил коготь, услышав какой-то шорох справа и, обидевшись, что с ним не играют, вытер мордочку с остатками мойвы о новенькие костюмные брюки Комарова. Так прошло около часа. Детектив уже успел поспать (да, он умел спать стоя!). Пробыло полночь. Вдруг на люстре забренчали висюльки. Она зашевелилась и стала спускаться вниз на проводах. Так продолжалось, пока светильник не достиг столешницы.

Затем прямо из потолка появилась злобная рука с растопыренной волосатой ладонью.

Всё точь-в-точь, как слышанная в детстве страшилка «Красная рука», но еще жутче.

Рауль остолбенел. Евсеича с сыном охватила дрожь.

Из ступора детектива вывела струя холодной «воды», которая быстро поползла по правой штанине. Следом вторая поползла по левой.

– Да вы что, энурезники! – зашипел Рауль, бесшумно оттолкнув вцепившихся в его плечи мертвой хваткой «евсеичей».

Комаров не спеша, как заправский рыболов, потянул кошелек в сторону. Рука последовала за ним. Детектив подвел «наживку» к паяльнику, который Евсеич забыл выключенным на столе – вечером «канифолил» микросхему (выпаивал их с целью дальнейшего извлечения золота). Волосатая ладонь сомкнулась на жале. Подсечка! Раздался сочный матерок, и из ладони повалил белый дым.

От увиденного сын Евсеича тоже разразился площадной бранью.

– Давай ремень! – скомандовал детектив.

Евсеич потупился:

– Не время, Рауль, сына воспитывать. Взрослый уже.

– Причем тут сын?!

Видя замешательство хозяев квартиры, детектив вынул из брюк пояс (правда, при этом его штанцеля спали), ловко обмотал его несколько раз вокруг сжатой в кулак потолочной руки и туго затянул.

Рука попыталась ускользнуть обратно, но пояс мешал ей это сделать. Тогда она раздулась, побагровела и забилась в судорогах.

Евсеич задергал носом и приказал жене:

– Нюхни ладонь! Чувствуешь: знакомый запах?

Жена пенсионера заупиралась от страха, но после стопки корвалола, наконец, приблизила лицо к ладони.

Рука, как будто только и ждала этого: схватила хозяйку за нос и потащила в сторону.

Еле отняли. Но слива размером с абрикос на носу жены Евса осталась. Хотя ей при ее внешности и так хорошо!

– Чтобы четко идентифицировать преступника, сделаем ему на кисти татуировку «гомо 2008», – заявил детектив.

– Цветную?

– Конечно!

Вызвали по мобильнику специалиста из ночного тату-салона.

– Видишь, рука из потолка?

– Вижу! Но она ерзает! Не смогу красиво выполнить заказ.

– Сейчас мы ее живенько «успокоим»! – с этими словами Рауль притащил чашку льда из холодильника.

Заморозили руку до синевы. Нанесли требуемые буквы.

– Нитрокраска есть? – повернулся детектив к хозяевам.

Жена Евса приперла из кладовки несколько разных банок.

– Зеленая? Отлично! Цвет успокаивающий, а то вам еще здесь до утра кантоваться! Да, надо подождать! – упредил он заикание Евсеича-старшего. – Утро вечера мудренее! Завтра высохнет. Не отмажется! Известно, кто живет этажом выше?

– Токарь Скамейкин. Из производственных мастерских санлицея.

– Проверим, проверим, что за токарь-пекарь!

Хлюпая промокшими штиблетами, и подвязавшись бельевым шнуром (чистая наволочка также пригодилась для оттирания излишков краски) Рауль поплелся домой. Спать...

На следующее утро все завалились к токарю. Попутно прихватив Киселькова в качестве понятого.

Скамейкин лежал боком на полу, «нежно» прижавшись щекой к линолеуму. Рядом стояла тарелка с крошкой, из которой торчала трубочка. Через эту трубочку Скамейкин потягивал квас из крошки. Жена выносила третье заполненное судно.

– зуб болит? – участливо спросил Рауль.

– Угу, – ответил Скамейкин. – Вишь, к холодному полу прижался – вместо пенталгина, тот сейчас только по рецепту врача. И то не всем.

Вчетвером стали «отклеивать» Скамейкина от пола.

Выяснилось, что в полу было проделано аккуратное круглое отверстие, в котором и застряла рука.

– А чего там, в полу, потерял, а?

– Да вот, фартук от токарного станка закатился в щель. Пытаюсь нащупать. Куда запропастился, ума не приложу!

Внизу Кисельков по телефонному звонку ослабил «ошейник», и Скамейкин с трудом выдернул раздувшуюся руку из пола. Она была зеленого цвета.

– В какую-то краску вляпался, наверное, в лифте стены декорировали, а я на нем поднимался! – расстроился он.

– Разреши, смоем уайт-спиритом.

Смыли. На руке обнажилась татуировка «гомо 2008».

– Эх, Скамейкин, Скамейкин!

Тут уже жена токаря не выдержала:

– Так вот где ты шляешься, «рыболов»! В «Голубой устрице»! С ночевкой! Накось!!

И накрыла мужа блендером.

* * *

После службы в воздушной десантуре Вадик Дулепистый приобрел несколько новых привычек. По росту он был первым, а, значит, всегда первым прыгал и с парашютом.

Демобилизовавшись, вернулся в семью, в родную квартиру, к жене. И тут началось! Если, к примеру, по телевизору диктор скажет в новости о дипломатическом рауте: «Первый посол...», Вадик тут же бросался к окну и, кувыркаясь в воздухе, летел с девятого этажа. Иногда везло (когда приземлился в ванну с мусором, «предусмотрительно» оставленную дворником-среднеазиатом или, когда попал на раскрытый зонтик пешехода), иногда нет, особенно, когда оседлал торец оконного стекла, которое несли два работяги, или когда приземлился на тот же зонтик, но только что закрытый. Спробуйте, как оставался невредимым? Очень просто: за первые полгода службы в дивизии «дяди Васи» командир отделения так натренировал нижепочечные органы рядового ежедневными пинками с разбега, что они стали чугунными. И тогда уже после традиционной утренней процедуры, наоборот, очередной старослужащий, ковылял со сломанной ступней до медсанбата.

Неприятная движуха с Дулепистым происходила также во время поездок в общественном транспорте. При открывании дверей он делал бланш вперед с криком «ура!».

Родители жены, узнав сей прискорбный факт, тут же приобрели ему подержанный автомобиль. Легче не стало: Вадик при открывании водительской двери с кульбитом вываливался на асфальт. Заварили ее, чтобы Дулепистый выбирался наружу только через кресло пассажира. Кроме того, обменялись жилплощадью с братом – сейчас Вадик с родней живет на втором этаже. Даже, если прыжки, то на газон. Ввели в семье жесткое табу на слова «посол» в любом контексте, а также «пошел», «пшел» и пинка под зад (чем раньше, до армии, сильно грешил тесть, особенно, если Вадик покупал «не его» кефир).

Для справки: тесть пристрастился к напитку во время работы в ресторане «Камские закаты» швейцаром (по нынешним временам «вышибалой»)...

– Как сегодня приземлился? – участливо спросил Дулепистого Витек-Гагулек.

– Нормально.

Сказав так, Дулепистый вытряхнул из кармана случайный мусор. Вместе с облаком пыли. Гагулек судорожно схватил носовой платок и прижал его к лицу.

– У меня эта пыль сразу в легкие попадает, – прогнусавил он. – И там тусуется. Без задержки в носу. Последствие совместного проживания с гражданской женой-косметологом. Ведь как было: не успею утром открыть глаза, она бросается ко мне с миниатюрными щипчиками и давай вырывать волосы в ноздрях. Боль адская. Хоть на стенку лезь! А брови? Видишь, какая жиделяга осталась: ручеек, тонкая ниточка! Выщипывала во сне. Хорошо, хоть ресницы не успела. На ногах – так там жидким азотом промышляла. И волосы, и мозоли. В термосе эту гадость держала. Встал однажды ночью. Думаю, водички попить. Смотрю, дымит от пробки. О! Чаек! Горяченький! Спросонку наливаю в чашку. Хорошо, что не проглотил. Зато пролил на трусы. Бегал потом кругами вокруг дома.

– Эпиляция – самое страшное слово, которое я когда-либо слышал, – поднял палец вверх Витек. – А один раз заночевали у ее родителей. В деревне. Пока спал, жена решила «насытить витаминами кожу». Просыпаюсь: подгоревший блин на роже – питательная маска для лица. Вскакиваю, ношусь по избе, понять ничего не могу: где я, что со мной? Гражданскую тещу потом нашатырем откачивали. С водкой: пятьдесят на пятьдесят. Померещилось: вампиры пожаловали по ее душу...

Арнольд тоже поделился наболевшим:

– Представляете, зашел сегодня утром в чипок. На разведку. Смотрю, вместо Светки другая тетеша за прилавком. Лет пятидесяти. Подхожу. Она мне мило подмигивает:

– Молодому, симпатичному! Чего желаете!

Я расползаюсь в улыбке:

– Спасибо за комплимент, к сожалению, не могу вам ответить тем же.

Продавщица внезапно сфорснула:

– Ах ты, морда очочная! А ну, брысь отсюда!

– Вот и пойми этих женщин, – задумчиво произнес Вадик, – сплошная загадка – настроение меняется как погода в Европе.

* * *

Гунар собрал актив типографии:

– Новости вчера по ТиВи смотрели?

– Нет, а что там?

– Правительство ближе к ноябрю собирается выпустить в обращение новую купюру достоинством две тысячи рублей... Какие будут предложения?

– Опять что ли станок перенастраивать? Только бумагу и краску изведем! – как всегда, на всякий случай захныкал зам.

– Да, это сложно! Верно говорит, – зачесали затылки сотрудники.

– Предлагаю сработать на опережение! – загадочно сверкнул глазами директор. – Выпустить свою версию двухтыщевок! С президентом на аверсе! Заполнить ей страну, и тогда наши купюры будут считаться настоящими, а гознака – поддельными. Каково?

– Вот ты голова!

Работа закипела.

Глава 9

10.30

Прозвенел будильник. А затем забренчал телефонный зуммер. Это Столетов – дублирует, чтобы не проспал.

Вивасов открыл веки и тут же вспомнил, что обещал ГенСеКу привезти баллон с гелием. Вместе с Валентином. На столетовском трехколесном мотоцикле. С «Галогена». Для нужд студенческого научного общества.

– Даже утром в воскресенье не дадут, демоны, выспаться!» – заворчал Могул Феоктистович.

– Да помню я, помню! – рявкнул он в трубку и при этом состроил жуткую гримасу. – Черт! До гаража этого сусика еще час добираться пешкодралом. Тишкино горе! Сегодня же в час еще внеплановое заседание по случаю Дня химика!..

Хотя и воскресенье, но ГенСеК (Геннадий Сергеевич Клепиков, декан) вызвал всех, даже лаборантский состав (за два отгула). Кажется, у него есть какая-то важная новость. Да и потом в четыре же городская эстафета!

Вивасов посмотрел на часы: о, нужно торопиться! Еще ехать на проходную завода к двенадцати. Бывший выпускник химфака специально вышел сверхурочно, в выходной, согласился помочь с отгрузкой.

Могул ускорился, даже не стал завтракать, и уже через семь минут стоял на автобусной остановке...

Еще в пятницу ГенСеК вызвал к себе в деканат Вивасова и Столетова:

– Парни, треба помочь студенческому научному обществу освоить газовую хроматографию. Сам прибор поставят по тендеру в конце следующей недели. А вот гелий, гелий нужно привести вчера. С завода в Закамье. Договорился с их замом. Наш факультет недавно окончил. Обещал помочь. Справитесь? Вчера звонил наладчик из Москвы, прилетит вместе с прибором. Он особенно подчеркивал необходимость наличия баллона с гелием: без него аппарат не запустить.

– У меня машина в ремонте, – стал отнекиваться Могул («ага, нашли лошару!»).

– Ничего, съездим на моем трехколесном «Ижике», – живо откликнулся оптимист Столетов.

– И помните вы должны управиться до внеочередного заседания по случаю Дня химика, в час! – напомнил Клепиков...

Вот и автобус. Но сидений свободных нема: кто на дачу в баньку, кто на железнодорожный вокзал. С рюкзаками и чемоданами.

Могул примостился на задней площадке. Стоя. У окна. Случайно почесал подбородок! Эва! Забыл побриться! Щетина за ночь выросла! Видок, наверное, как у заправского алкаша. Вивасов прикрыл ладонью нижнюю челюсть. «Лишь бы студентов с факультета знакомых не встретить. А то разнесут на весь университет, что постоянно с бодуна, – размышлял Могул. – Ничего, на кафедре потом лезвием от аппликатора наведу марафет. Перед заседанием. Никто и не заметит».

Не тут то было. Вылупилась какая-то мадам среднего возраста в коричневом брючном костюме.

Могул бросил короткий взгляд в ее сторону.

«Что за мырма? Студентка? Одноклассница? Одногоруппница?.. Нет, не знаю», – хмыкнул Вивасов.

Дама продолжала пристально рассматривать синеву скул доцента.

«Вот, узрела-таки щетину. И пялится бесцеремонно – смущает до пальцев ног».

Освободилось место справа у окна. Могул шустро занял пустое сиденье. Подальше от сальных взглядов. Слева тут же подседа мощная бэбэна. Одна половина ее притомилась на сидении, другая выставилась в проходе.

Кондуктор, массивная женщина, проходя мимо, так лихо двинула соседку Вивасова бедром, что бедный Могул просто впечатался в стенку автобуса!

Доцент взглянул краем глаза на кондукторшу: «Ба! Так эта та же дама, которая одновременно с ним посещала секцию единоборств у Гургена, женское направление: "бёдринг, грудинг и поппинг"!»

Тут доцент припомнил и свои тренировки...

У Вивасова был серьезный доцентский животик. Это место часто вызывало произвольные насмешки со стороны сослуживцев и студентов: «Отъел мошны, "цурипопик"».

«Пора с этим кончать!» – решил однажды Могул.

Для начала он изъял из ящика соседа бесплатную газету «Почто-Ринг» и стал читать частные объявления.

На центральной странице красовалась завораживающая реклама: «Вам, животяры, суперэффективный вид единоборств – "прессинг" (брюхатэ)», «Брюхатэ и фигура на высоте!», «Прессинг – это не пресса к утреннему кофе, а то, что на самом деле нужно настоящим мужчинам!»...

– Живот – страшное оружие в руках профессионала, – этими словами открыл свое занятие тренер Гурген. – Едешь, например, в общественном транспорте, и кто-нибудь тебя пихнет. Вызов? Да! Наглый? Да! Безнаказанный? Нет! Напряги гладкую маскулатуру брюшного пресса и ответь. В лучшем случае обидчик усядется к кому-то на колени и схлопочет по ушам от «сиденья», в худшем – вылетит через окно. На тротуар... Или. Или не можешь попасть при посадке в салон. Одно сокращение пупочного кольца и полсалона свободно.

– Заманчиво! – всхлипнул Вивасов. – А остальные?

– Остальные выпадут через передние двери, часть через окна и вентлюки в потолке, – продолжил Гурген. – Даже водителя иногда выбрасывает через лобовое стекло вместе с баранкой, если вовремя не успеваешь сгруппироваться. Но! Нужно стараться не допускать подобного, а то потом долго придется идти пешком. Аналогично при выходе. Ответ жестким приемом: запрессуй! Пусто? Да, пусто! Причем в радиусе ста – ста пятидесяти метров. Далее...

Вивасов скопил глаза на присутствующих. Их оказалось очень много. И все пузаны. Кроме одного.

– А ты как тут оказался? – хлопнул по плечу Могул мужчину-худышку.

– Осторожней! Я и так при входе укололся зубочисткой: толкнули под локоть, и видишь – результат!

– Не повезло! Тебе теперь в другую секцию – фехтования. Трудно будет соперникам попасть рапирой в туловище!

– Далее, – продолжил Гурген, – зажали в дверях, скажем, столовой. Прием, и очереди нет, путь к раздаче свободен! Ничего, что часть очереди жарится на электросковороде, а другая – головами в бачках с харчо и рассольником. Так даже наваристей и вкуснее!.. Опять же некоторые дамы достаточно агрессивны. Руками нельзя – рукоприкладство. Только животом! Придраться не к чему. С эстетической стороны. Всё в рамках этикета... Ах, оне ругаются? Подойди к ним и тихо сквозани пузом, так чтобы слова в горле застряли... Стоит толпа за водкой. К черту толпу! Напрягись и расслабься! – вся витрина вместе с продавщицей – твоя!.. Змейка к бензоколонке? Выйди к багажнику передней машины – импульс! – и все машины собралось колбаской в кювете: заливай полный бак одновременно с трех выпавших пистолетов... Пробка на Камском мосту? Подойди к ближайшему авто и тпру его! Ну и где пробка? Рассосалась! И пусть большинство машин упало в Каму, небось, водители плавать-то умеют.

Был и аппарат для контроля: боксерская туша, набитая песком.

Вивасов попробовал силу мышц несколько раз. Результат неутешительный.

– Слабовато, – скуксился тренер. – Смотри, как должно быть. И он нанес сокрушительный удар животом по туше. Песок внутри снаряда слипся, а потом и застекловался.

– Теперь понятно?

– Теперь понятно, Гурген, почему вам, участковым, не выдают табельное оружие – ни к чему. Во-первых, не отберут, во-вторых, брюхатэ – это тот самый фактор внезапности.

Тренер ухмыльнулся: «А ты понятливый, лузер».

– Немного из истории, – перешел на лирику Гурген. – Борьба молодая – родилась во времена тотального дефицита в среде интеллигенции, которая не могла ответить устно на злобные выпады очередников за товарами первой необходимости (водкой, табачными изделиями и т. п.). Доказала высокую эффективность. Правда, сам я не пью и не курю. Но для поддержания формы тренировался на очередях ежедневно. Да и потом вина-табаки были универсальной валютой, на которую можно было обменять что угодно... А теперь спарринги. Спарринги с такими же пузочесами.

Первая пара сразу же травмировала друг друга. Оба повредили кишечник.

– Ой, мы сегодня переели.

– Осваивайте пока бой с тенью. Где-нибудь в кладовке. Или гараже. Так безопасней...

После недели занятий Гурген вернул Вивасову деньги:

– Ничего у тебя не получается, доцент. Клинический случай.

Расстроенный Вивасов пришел на работу и снова достал спринцовки – всё-таки проверенное средство. Особенно, с далматским пиретрумом.

...Как-то после обеда Вивасов проследовал в деканат и блаженно растянулся в кресле в приемной у ГенСеКа.

Однако декану это не понравилось:

– Иди, Вивик, лучше прогуляйся. До ректората. Отдай свою характеристику на переизбрание. Растрясси жирок.

Вивасов отнес документы в приемную ректора и медленно побрел обратно на кафедру.

– И куда это мы спешим? – услышал Могоул чей-то насмешливый голос.

– Ты кто? – озадачился Вивасов, рассматривая бомжа, и тут его посетило смутное озарение: «Так это же Ваня Смирнов, теорфизик, жил в студенческие годы в одной общажной комнате со мной!»

Ваня ничуть не изменился, что тогда, что сейчас ходил, как среднеазиатский дервиш. С холщовой сумкой через плечо. Насколько помнится, не был женат. Рассказывали, спал на полу, питался, чем Бог послал. Да и давно выпал из поля зрения. И тут через столько лет – встреча!

– Пошли что ли за пузырем, Могел. Премия Вольфа обмоем. Получил по физике. Как-никак, сотен тыщ бакинов. Потом еще Юрик (Мильнер) клятвенно обещал денжат подбросить, после создания собственного фонда. Филдсовский центр тоже медаль обещал, в порядке исключения.

Вивасов в изумлении раскрыл рот: «Вот те на! всю жизнь считали Ваню неудачником: ни жены, ни квартиры, ни зарплаты, а тут такое счастье подвалило!»

Доцент искренне расстроился. Послушно поплелся за Ваней в «Виват».

– Стоять, алкашня! – неприветливо встретил друзей охранник универсама. – Фейсконтроль не проходите. Особенно, ты.

При этом он схватил Ваню за шиворот, развернул на сто восемьдесят градусов и от души напинал тому по мягкому месту.

И тут Вивасов вспомнил всё! Всё, чему его учил Гурген!

Он вплотную приблизился к Ваниному обидчику.

– Оп!

Тот хотел было ткнуть пудовым кулаком в вивасовский живот, но Могул сделал упреждающее сокращение мышц и... детина упал, скорчившись улиткой от боли.

– Ой, моя рука! Моя рука!!

Еще бы – сломана. В трех местах!

На шум выбежал другой охранник с резиновой дубинкой.

Вивасов повторно напряг брюхо: нападавший вынес стеклянную дверь внутрь торгового зала и там затерялся где-то в секции морепродуктов среди креветок и осьминогов (потом его нашли разделанным на дольки в пресервах).

Испуганная продавщица отпустила товар без денег, забыв даже про тревожную кнопку: а кому охота стать прокладкой между стойкой и кассовым аппаратом?

Помогли-таки тренировки!!

И друзья в хорошем настроении отправились обмывать премию Ванька...

– Соратница! – тепло подумал о кондукторше Вивасов. – Профессионал!..

У ЦУМа в автобус споро запрыгнул Лева Смолянский – поехал внука навестить.

Вместе с ним в салон набилось довольно много народу.

Водитель, увидев в зеркало, что дверь не хочет закрываться, заорал в микрофон:

– Эй вы, хватит копошиться в заднем проходе!

– Но мне еще в нем «копошиться» года два, до пенсии! – расстроился Лева, которого до глубины души задело слово «хватит». И он стал проталкиваться вперед, чтобы выразить протест наглому шоферу. Голос водителя меж тем показался Смолянскому до боли знакомым.

– Афоня, ты? – воскликнул Лева, приблизившись к кабине. – Припомнил, как мы бедовали в твоей деревне? Узнал, узнал, чертяка! (см. «Деды в индиго», стр. 39)

– Че-то такое, кажися, было, – наморщил лоб водитель.

Смолянский, продираясь сквозь пассажирские джунгли, даже не обратил внимание на еще одного своего знакомого, Могула, который сидел наполовину в выпуклости стенки, образовавшейся вследствие профессионального приема кондукторши, при этом его правая щека была напрочь приплюснута к стеклу.

– Конечная остановка «Госуниверситет», – объявил водитель. – Приготовьте билеты на контроль.

Соседка по сидению, наконец, освободила Вивасова из телесно-стенного плена.

Могул засуетился, шаря по карманам брюк. Тут он явственно снова ощутил на себе колющий взгляд. Оглянулся. Это была та же дама в коричневом брючном костюме.

Дама, проходя мимо Вивасова, неожиданно резко развернулась и закатала ему звонкую пощечину:

– Сволота в штанах!

Такого хода событий Могул ну никак не ожидал.

Третий удар дамы он сумел перехватить.

– Вы что?! Белены обкурилась?!

– Он еще издевается. А не ты ли меня всю дорогу мысленно хотел?

– Как это?

– Тантрически!

– Тактически? С дуба рухнула?

– Не тактически, а тантрически, идиот!

– Это что за слово? Английское? Ругательство? Английское ругательство?

– Ты еще и пустомеля!

– Билет! – взревел водитель.

– У нее, – нашелся Вивасов.

Водитель схватил за руку даму:

– Предъявите билеты.

– Пустите меня. Еще один?

И дама вклеила смачную оплеуху водителю. Потом еще. Добавила ногой.

Водитель, однако, был не из робких. Подставил лоб, лягнул головой. О которую дама вывихнула руку.

Пока они дрались, Вивасов подобрал два билета, выпавшие из рук водителя.

– Вот, товарищ. Успокойтесь!

– Зачем тогда было руками махать? – досадливо спросил шофер.

– Ты уже третий раз сегодня, Афоня, драчешься, – осадила водителя кондукторша.

– Афоня? Тракторист? – узнал старого знакомого Могул.

– Был. Год назад, – кивнул водитель. – А потом на заработки в Пермь подался.

– Мы в твоей деревне ночь прошлой осенью коротали...

– Это, когда наши пацаны вашу машину вытаскивали? А я у поленницы валялся? Меня тогда после опохмела председательша заставила собрать все, как было. Стал на следующий день клепать из дров колоды, из колод ствол, потом приделал ветки, после чего вкопал березу на место. А ты?.. Никак доцент? Зарос-то как! Ощетинился. Теперь вспомнил!

Махнув рукой на прощанье, Вивасов вышел из автобуса. На тротуаре его уже дожидалась дама, решившая продолжить разборки.

Но в конфликт неожиданно вмешался Лева, который уже заметил Вивасова и стоял чуть поодаль. Он, как врач-специалист, объяснил даме, что есть кто... Дама пошла на мировую. По жизни – милейшая особа. Только что защитила докторскую по математике. На этой почве, видимо, и бзик: формулами башню снесло. Интегралами. И прочими матрицами...

Познакoвшись на неудачной рыбалке (см. «Деды в индиго», стр. 36), Вивасов и Смоленский подружились на почве пристрастия к... спринцовкам. Родственные души, так сказать. Особенно Могулу нравился лозунг, висевший в кабинете Левы: «Лучше нет для организма, чем задористая клизма!». Он заказал себе в рекламном агентстве «Веселый промоутер Роджерс» плакат аналогичного содержания.

Поболтав немного, друзья разбежались в разные стороны. Через семь минут Могул встретился с Валентином Столетовым. Тот прихорашивал тряпицей свой мотоцикл «Иж-Планета».

Вивасов, осознав, что сильно рискует здоровьем, согласившись ехать на старом трехколеснике, сходу спросил старшего преподавателя:

– У тебя как? Люлька не отвалится по дороге?

– Не, я ее на всякий случай на алюминиевую проволоку примотал, – пошутил Столетов.

Вивасов со страхом посмотрел на конструкцию. Да уж! Хлипковата! Но делать нечего, поздно трепыхаться.

Поехали на завод галогенов. Добрались без поломок. Прошлись по цехам. Народу ни души. Правильно: воскресенье!

– Где этот чертов баллон? – забурчал Вивасов. – Нам надо торопиться: к заседанию бы успеть!

– Вон лежит, в углу, – кивнула охранница на проходной. – Заместитель вас ждал-ждал и забурился.

Действительно, в углу коричневел баллон.

– Тут запросто пупок надорвешь! – почесал затылок Могул.

– У нас мужики по два за раз такие таскают, а вы, доходяги, один не в силах поднять! – презрительно хмыкнула вахтерша. – Посторонись!

После попытки подсобить вахтершу понадобилось, однако, откачивать холодной водой из графина – она, как ни крути, не мужик. В конце концов, догадались поднять баллон с помощью рычага, а затем переставлять вращательным движением по часовой стрелке. По доске закатили его в люльку и поместили между ног Вивасова.

– Держи надежно, а лучше привяжи к себе, – посоветовал Валентин.

- Куда уж надежнее? – обхватил Могул баллон обеими руками и ногами.
- Осенью дорога от завода, хоть и асфальтовая, а вся в ямах, причем залитых водой.
- Не газуй! – дернул за рукав Столетова Могул. – Знаю я тебя, «Спиди-гонщика».
- Как не газуй! Еще пообедать надо успеть, а потом на заседание!
- Торопление враг здоровью! – заметил Могул.
- Как он был прав!

На подходящей кочке Вивасов вылетел вместе с «подарком» из люльки. Баллон, пролетев по заданной траектории воткнулся в землю посреди лужи, как «Булава» на первых испытаниях. Вивасов, цепко державшийся всеми конечностями за него, крепко ушел по самые подошвы в грязь. Мотоцикл же от потери веса круто занесло влево, и Столетов вырулил прямо на березу, прочность ствола которой по Брику он узнал своим чугунным подбородком. Далее его отбросило в сторону, прямо на запечатанный муравейник, где он застрял в позе испуганного страуса «голова в песке».

Кое-как сослуживцы освободились из «плена».

Валентин весь дрожал.

– Замерз, Посейдон?

– Колоти по спине, Могул. У меня после этого полета... прям мурашки по коже.

– Не мурашки, а настоящие мураши, – уточнил Вивасов, осматривая спину сокурсника. –

Разбудил ты их, старе!..

– Вот еще и шины спустили!

– Накачаем шины гелием из баллона.

Но и здесь неудача: шины взорвались. От старости.

Пришлось ловить частника. На грузовике. Кран-борт. Но в кабину он друзей не взял:

– Салон, землекопы, запачкаете. Залезайте в кузов.

Мотоцикл по частям загрузили туда же. Рядом с баллоном.

– Всё, отъездился, соколик, – огорченно вздохнул Столетов...

– Почему баллон такой грязный? – обронил Клепиков, разглядывая заводской презент.

– А ты обратил внимание, что мы сами не лучше выглядим?! – взъелся Вивасов.

– Действительно, где так изгваздались?

– Знамо-вьетнамо, пока с твоим гелием возюкались!

– Да успокойтесь же вы, наконец, – примирительно положил руку на плитку десертного шоколада ГенСеК.

Глава 10

10.55

Сергея Кометов подошел к методисту лица:

– Аделаида Викторовна, у вас учебные планы по начертательной геометрии? А то Их заставило...

– Знаю-знаю твою беду! К сожалению, все планы находятся у Бодуненца.

Кометов побежал в кабинет Савелия. Дверь наглухо закрыта. Вторые ключи у тети Тоси. Но у нее тоже заперто.

«Видимо, готовится к эстафете, распаривает кости в баньке», – решил физик и направился к Сене.

– Сеня, ты мастер столярного дела, открой дверь, а то ключей ни у кого нет.

Сеня изучал какую-то книгу. Кометов прочитал на обложке: «Как сделать Буратино своими руками. Настольная книга плотника».

– Дай фуганку что ли, – в голове Важника отложилось, как его бабушка в детстве называла подобранную на улице подростком дрянь: «Фуганка» одновременно «фу» и «поганка». С другой стороны, так или где-то так Сенин отец называл рубанок.

– Откуда она у меня? – удивился Кометов.

Сеня решил, что проще выбить хлипкую дверь ногой, чем найти этот фуганок в столярной мастерской. Тем более что до описания этого инструмента в учебнике он еще не дошел. А саму столярку проще сжечь: всё завалено опилками и стружкой. Где-то в них полгода назад во время дегустации политуры затерялся предшественник Важника. Вследствие чего в лицее и появилось вакантное место.

– Серега, отвернись!

Сеня звезданул по двери ногой. Замок вылетел напрочь.

– Вауля!

– Вот, ты профи! – восхитился Кометов. – Сколько лет за верстаком?

– Вообще-то я швейное училище закончил, – проямлил Важник и поспешил в мастерскую...

Кольцов позвонил Важнику по внутреннему телефону (висел на стене мастерской):

– Как? Тренируешься?

– Угу.

– Перед эстафетой время еще есть. Надо провести его с пользой для дела. На компьютере, надеюсь, умеешь работать?

– Угу.

– Помнишь, что секретарша Люси «приболела».

– Угу.

– В общем, срочно нужен список на квартальную премию... Зайди в приемную, там ноутбук с принтером. На нем найдешь нужный файл и заведешь данные с рукописного листа. Потом еще будет пара несложных заданий.

– Угу.

Через полчаса.

– Завучей не забыл?

– Угу.

Еще через пятнадцать минут.

– Бухгалтеров?

– Угу.

– А мастерам? Мастерам смены впечатал? Нет еще?! Не угу? Вот те раз! Тогда давай! Мигом! В первую очередь!

– Угу.

Сеня опрометью бросился в цех. Надал всем сменным мастерам по рогам, несмотря на свой маленький рост. Используя складки местности и фактор внезапности...

Глава 11

На следующее утро Джером Монго решил для начала плотно позавтракать. И тут он осознал, что его пленники целые сутки ничего не ели. Главарь щелкнул пальцами:

– Дайте узникам чем-нибудь подкрепиться, нам дохлый товар не нужен.

Савелию и Оксане бросили сверху пару черствых лепешек. От них исходил отвратительный дух. Этот запах напомнил Бодуненцу мясо-пептонный бульон, который он научился заправски варить, работая лаборантом. А что было делать, куда было устроиться, если Савелию, которого с треском только что выперли из пединститута за геометрическую прямоу к руководству (поверил в лозунги перестройки «гласность», «свобода» и т. п.): высказал мнение о недостатках системы образования и оп-ля! – на выход с вещами – не прошел повторно по конкурсу на должность доцента? Долго ли, коротко ли, помыкавшись по службам занятости и благодаря им, Савелий устроился-таки на работу младшим препаратором в центр вакцинации.

«Центром» это заведение назвать было трудно, скорее, подземельем. Причем на окраине города. В затапливаемом подвале жилого пятиэтажного дома. На полу помещения были положены деревянные трапики, а у входа с избытком стояли резиновые сапоги, висели спасательные круги и к стене был прислонен плот из старой двери – на случай подъема грунтовых вод.

В задачу Бодуненца входило варить в автоклаве этот самый, б-р-р-р... «бульон». Вареву имело на редкость отвратный запах. «И как такую гадость бактерии жрут?» – с состраданием думал Савелий.

Однако у остальных сотрудников центра с годами выработался, очевидно, стойкий иммунитет к этой дряни.

– Что у нас сегодня на завтрак? – заглянув в автоклавную, спросил розовощекий завлаб. И звучно сглотнул слюну.

При мысли о еде в атмосфере лаборатории Бодуненца чуть не вырвало. Благо туалет был рядом.

Дни шли своим чередом. Бодуненц где-то читал, что от иприта в первую мировую хорошо помогала марлевая повязка с землей, пропитанная уриной. Проверил – эффект слабый. Приобрел противогаз. Но не то, не то!

Савелий соорудил над автоклавом подобие вытяжки и вывел газоотводную трубку в окно. Не раз он наблюдал, как редкие случайные прохожие падали замертво, и их потом увозили в реанимацию. Правды ради, стоит признать, что подвал дома, в котором находилась лаборатория, местные старались обходить стороной, километров за пять и складывали нехорошие легенды про вурдалаков, вампиров разных и прочую нечисть. К слову, фильм «Сумерки» тогда еще не был в ротации, поэтому нездорового интереса к данному объекту фанаты не проявляли. Сейчас бы это помещение было настоящим культовым местом поклонения разных готы и эмо.

С течением времени Савелий привык работать в противогазе и постоянно забывал его снимать по дороге домой. Один раз он даже вышел в нем к обеду, при этом пожелал сотрудникам «приятного аппетита», отчего сильно обиделась одна из лаборанток, носившая большие круглые очки и страдающая вечным насморком (слова Савелия в противогазе имели полную схожесть с гнусавым голосом девицы).

Но не всё так печально. Случались и светлые деньки.

Например, однажды в центр пожаловал Том Скунсер из Южного Великобританского Уэльса. По обмену. Так сказать, технологиями. Наверняка, неуч. Двоечник и лодырь.

В подвал, из которого только что выкачали канализационную воду и оттерли от мышиных отходов пищеvarения стулья, заглянула представительная делегация руководства.

Для важных посетителей организовали поляну. Застелили белоснежными марлевыми скатертями с рюшечками лабораторные столы.

Едва не сломав бетонное перекрытие о голову или голову о перекрытие, в подвал спустился высоченный джентльмен в прекрасно сидящем костюме модного фасона, начищенных туфлях, чисто выбритый и источающий дорогой парфюм. Точная копия Джеймса Бонда.

– Пожалуйста к столу, – пригласил гостей завлаб, снимая перчатки и выныривая из бокса с малярным посевом.

Англичанин ошалело уставился на большую чашу с перловой кашей, из которой все сотрудники дружно ели ложками.

Мистеру Скунсеру стало дурно. Он притулился к косяку, а потом упал.

Еле откачали кислородом. Из баллона. Оставили слесари-сварщики после ремонта канализации. Вместе с резаком. Его и затолкали в нос Тому, а затем открыли вентиль.

– Shit! (*Вот это резистентность – англ.*) – пролепетал пришедший в себя англичанин...

Время течет быстро. Гость освоился. Через месяц Том приходил лохматым, небритым, в мятых брюках. Какие там стрелки! Вместо них маслянистые пятна от мясо-пепто-буля. Проведя очередной эксперимент, англичанин, жадно лакал дистиллированную воду прямо из двадцатилитровой бутылки. А то и просто водопроводную. Запивал ее денатуратом. Потягивал спирт через пипетку, вроде трубочки для коктейля. Закусывал набухшим агар-агаром. Зачерпывал его ладонью из биореактора, а иногда и пользовался им вместо геля для бритвы. Брился в микротоме для клеточных срезов...

Ох, не знал управдом. А, может, знал, что творилось в подвале, да попросту боялся заходить. Правильно, нервы дороже, а то если представишь себе, что при случайном толчке от реактивов, в беспорядке валявшихся в шкафах, всё могло снести к чертовой бабушке.

Иногда угоревший завлаб приказывал сотрудникам:

– Идите подышите воздухом. Но приоденьтесь. А не в рваных халатах. Демаскируете. Местные и так считают нас нечистой силой.

Для налаживания контактов с жилищным активом руководство центра преднамеренно приняло пару самых горластых квартиросъемщиков на работу. Ночными сторожами. И стали поить чистейшим медицинским спиртом. Во времена «сухого закона» это был сильнейший профит.

Мужички, примерные многодетные семьянины, принесли из дома раскладушки. Буквально через неделю они перестали ходить на высокоплачиваемую работу брокеров на товарно-сырьевой бирже, да и вообще появляться дома. Их тени часто обнаруживали сотрудники на стенах и потолке.

Однажды фонд Сороса подарил центру вакцинации компьютер «икстишку» с набором завлекательных игр. Естественно, все сотрудники выстроились в очередь, чтобы сыграть партейку-другую-третью-тридцатую в «Пакмэна». Основная работа при этом была категорически забыта: один или одни играл(и) (иногда впятером: каждый жал на свою стрелку или пробел), другие – смотрели. Создавалось впечатление, что это была скрытая диверсия против медицинского заведения.

Узнав о компьютере, местные предприниматели предложили заведующему организовать компьютерный клуб на паях. Тот долго артачился, а потом уж было согласился. Но поздно. Центр обокрали. Что интересно: унесли только компьютер! Деньги на молочные талоны, дорогой карлсейсовский микроскоп! банку с редкоземами! пять килограммов ртути! оставили нетронутыми! При этом ворюги прихватили также одну раскладушку, причем со спящим сторожем (второй до сих пор бродит в образе привидения в подвале, переоборудованном впоследствии в фитнес-центр и лапает за незащищенные места разгоряченных женщин).

Жена первого сторожа подавала иск и на завлаба, и на центр, но безрезультатно: вернули только раскладушку (да и то чужую).

Подозрение в организации, само собой, пало на англичанина: на следующий день после кражи он явился с фингалом, волосы во все стороны, галстук оторван, щетина, но счастли-вы-вы-й-й!!

В кармане джинсов красовалась откупоренная бутылка дешевого портвейна. Попивая из горла, Том наслаждался напитком:

– Дэлишэс! Нэчурал! Сьюпер!

Хотели устроить ему допрос с пристрастием, но тут вмешались дипломаты. Быстренько отправили Скунсера восвояси.

Том уехал передавать драгоценный опыт в Англию. Но не хотел ни за что. Еле выпроводили. Соблазнили дюжиной палок копченой колбасы. Тогда она еще была почти натуральной. Обещали дополнительно высылать ежемесячно по батону. Посол лично гарантировал...

Том позже прислал фотографию. Бичует по пабам и ба... подворотням. С моряками и морячками.

Глава 12

Генеральный директор рекламного агентства «Веселый промоутер Роджер» Макс Дерябкин пристально посмотрел на текст заказанной к понедельнику некой фирмой господина Комарова офисной таблички: «Дитективное агенство "Рауль"».

– В одной фразе две ошибки! Оксана, такая Оксана! Филонлохиня! – всхлипнул он. – Исправляем орфографию: «агентство» – пишется через два «т». И вторая буква «е», как говорят, «двойка по грамматике детектед».

– А вместо «т» – «ф». «Дефективное», – поддакнул зам.

– Если дефективное, тогда, естественно, напрашивается «Руль», а не «Рауль», – тонко подметил старший менеджер, – «а» лишняя.

– Молоток! – одобрительно потрепал по холке сотрудника Макс. – «Дефективное агентство "Руль"» – прямая связь с автомобилями.

– Набросайте макет и живо к Гунару в типографию – отпечатать на плоттере таблички в трехцветке к утру и потом еще офсетом буклет – пять тысяч экземпляров... На обложке салон какого-нибудь крутого авто. С рулем. Крупным планом. На руле телефоны. Надеюсь, в цифрах хотя бы ошибок нет? И чтобы к семи утра была вся продукция! Приду, проверю! А ты давай, малой щит. Заказчик хорошо отбашлял.

* * *

После армии Вадик Дулепистый трудился каменщиком. Как-то сидел на крыше новостройки. Смотрел вниз. Время обеда. Мучительно размышлял: спрыгнуть или спуститься по лестнице. Это сейчас пока в Перми самые высокие жилые дома в двадцать четыре этажа, а что будет через десятилетие. Дух захватывает. Но не у десантника (Вадику что с парашютом спрыгнуть, что без – фиолетово).

Представим недалекое будущее. Дом в восьмьсот этажей. Космоскрёб. Верхушка в облаках. Теряется. Живет в строении примерно двенадцать тысяч. Человек. Целый микрорайон. Верхних называют «небожителями» (не путать с безбожниками!).

Обычное явление: аварийно отключенные лифты. Сгорел предохранитель. Или несколько. Есть только в Москве. Ждать неделю. Зарисовки из жизни.

Жилец из 5126 квартиры:

– Третий день иду. Общаемся с семьей по телефону.

Доставщик пиццы:

– Вниз-то можно – на парашюте, а вот как вверх?

Ушлые вертолетчики-таксисты наперебой предлагают свои услуги. Везде на пролетах (слово-то какое, если торопишься, приходится реально пролетать) толкуются банковские работники и страховые агенты. За каждым закреплено этажей по десять, не больше. Пожизненно.

Во многих местах с лоджий свисают канаты: по ним скользят вниз. Альпинистские навыки получают в спецшколах со сдачей на права соответствующей категории – этажности.

На триста тридцатом костерок – греются жильцы.

Диалог:

– Далеко еще?

– Маршей сто пятьдесят.

– Ложись, отдохни, к утру доберемся.

В случае аварийной ситуации 01,02,03,04 вызывать бесполезно: среди ступенек и перил уже бесследно пропало несколько бригад «Скорой помощи», пожарных расчетов, отделов милиции и целая вахта газовиков с Заполярья...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.